

Елена Ворон

Лоцман на продажу

*Посвящается моему сыну
Дмитрию — первому читателю и
ценителю «Лоцмана».*

Глава 1

Ветер упал, и Поющий Замок умолк. Две белые башни молчаливо пронзали небесную синеву, немо высились зубчатые стены, и сложенный из светлого камня внутренний дворец, с его нагромождением колонн, террас и лестниц, недобро затих. Ветер не посвистывал в его галереях, не шелестел в резьбе капителей и балюстрад, не позванивал стеклами витражей. Не осыпались цветы с печаль-деревьев, их ломкие лепестки не плакали хрустальным плачем. На Поющий Замок опустилось глухое молчание, и в этой тугой тишине Серебряный Змей обрел вдвое большую ловкость и проворство.

Ингмар, пришелец с севера — крупный, светловолосый, неспешный в движениях — мысленно восславил Богиню. Какое счастье, что

сегодня она назначила жертвой не Эстеллу, а Лусию. Эстелла натерпелась от Змея вчера, да и позавчера тоже. Ингмар искоса глянул на Рафаэля, пленника Замка. Юный виконт — изящный, в шитом серебром бархатном костюме, чернокудрый и черноглазый — не отрывал напряженного взгляда от спускавшихся по лестнице дам. Пленницы Замка шествовали неторопливо, величаво: красавица Эстелла в золотой парче и очаровательная, трогательная Лусия в скромном платье белого шелка. Ее темные волосы были перевиты алыми розами и собраны в узел на затылке; казалось, тяжелый узел тянет назад хорошенькую головку, заставляет вздернуться подбородок.

Рафаэль разжал впившиеся в перила пальцы, нервно поправил шляпу с плюмажем и с улыбкой, за которой он прятал тревогу, зашагал по террасе к подножию лестницы. Ингмар двинулся следом, с беспокойством посматривая кругом. Ярко-зеленая степь за стенами Замка была пуста.

— Лоцмана нет, — вполголоса сообщил юный виконт, оглянувшись на северянина. — Опять где-то шляется, Змей его побери!

— Появится, — отозвался Ингмар. Еще не случалось, чтобы охранитель мира не явился вовремя. В чем в чем, а в безответственности Лоцмана не упрекнешь.

— Прекрасная погода нынче, господа! —

прозвенел над террасой голосок Лусии, в беспечности которого чуткое ухо различило бы толику фальши.

Рафаэль снял шляпу и склонился в низком, исполненном природной грации поклоне.

— Лоцмана нет, — выдохнул он и с изысканной вежливостью ответил на приветствие дамы.

Лусия побежала по ступеням, за спиной белой дымкой взвился шлейф. Алая роза, которую она выдернула из волос и бросила виконту, упала к его ногам. Просияв, Рафаэль наклонился поднять; и в это мгновение Серебряный Змей напал.

Краем глаза Ингмар заметил яркий проблеск слева между колонн. Северянин ринулся к задержавшейся на лестнице Эстелле, взлетел по ступеням, принял на себя тяжкий удар остроконечной головы чудовища. От боли перехватило дыхание; замшевая куртка с нашитыми бронзовыми бляхами никак не могла защитить. Схватившись за грудь, Ингмар рухнул на одно колено. Эстелла с криком метнулась прочь, путаясь в юбках; упала, вскочила и снова помчалась, как безумная, под ненадежную защиту увитого розами навеса. Рафаэль бросился к Лусии, схватил девушку в объятия, как будто надеялся уберечь от предначертанного, но блестящая чешуйчатая морда тараном ударила его под ребра, швырнула на

каменные плиты террасы. Лусия жестом отчаяния заломила руки. Длинная серебристая шея обвилась вокруг ее стройного стана, и Змей убрался с добычей.

Рафаэль со стоном приподнялся на локте; у него были разбиты губы. Из-под навеса выглянула напуганная Эстелла.

— Лусия! — вскрикнула она жалостно и бегом кинулась к Ингмару. — Надо освободить бедняжку. Мы можем рассчитывать на вашу помощь?

Она просительно заглянула ему в лицо; искренняя тревога в ее голосе не вязалась с глуповатыми, затасканными словами. Его покорило.

— У нас на севере не принято оставлять друзей в беде. — От напыщенности собственного тона его покорило еще больше.

Эстелла подбежала к Рафаэлю, вышитым платком промокнула кровь. Ингмар тоже подошел, оглядывая степь за стенами замка. «Видишь Лоцмана?» — спросили выразительные черные глаза виконта. Северянин качнул головой: нет.

— Змей его задери, — шепнул Рафаэль, и униженная перстнями рука Эстеллы словно невзначай легла ему на лицо, прикрывая движение вспухших изуродованных губ.

Ингмар сдвинул брови: не след хулить

охранителя мира — недолго накликают беду. Он прислушался. В их несуразном дворце, с его лестницами, галереями, пристройками и надстройками, Лусию не сыщешь, пока она не подаст голос. Однако над Замком висела глухая тишина.

Северянин поставил виконта на ноги.

— Идем на Львиную галерею.

Бессмысленно торчать на одном месте, талдычить ненужные слова, переливать из пустого в порожнее. Львиная галерея, украшенная скульптурами гривастых зверей, опоясывает верхнюю часть дворца, и отсюда легко заметить блеснувшую где-нибудь чешую Змея.

— Я с вами! — вскричала Эстелла, расслышала наигранность в собственном тоне и смешалась, добавила поблекшим голосом: — Не отказывайтесь — вам понадобится моя помощь.

— Ни за что! — сверкнул глазами Рафаэль. — Мы не вправе подвергать вас опасности, донна Эстелла.

Северянин и виконт переглянулись, недовольные. Почему все идет наперекосяк? Откуда эти неуклюжие слова, фальшивые интонации? Лоцман до сих пор не явился. Ингмар ощутил тоскливую пустоту и чувство заброшенности. Без Лоцмана все разваливается, все из рук вон плохо...

Оставив Эстеллу под увитым розами навесом — она кинется следом, чуть только мужчины отвернутся — Ингмар с Рафаэлем поднялись на следующую террасу, где в укрепленных на треножниках хрустальных чашах носились стайки золотых рыбок.

Виконт хрипло дышал, держась за бок, его тонкое аристократическое лицо кривилось.

— Больно? — участливо осведомился Ингмар, поддерживая юношу.

— Нет, — откликнулся Рафаэль, но глаза признались: «Зверски».

Где-то закричала Лусия — протяжным мелодичным криком, который звенел и играл музыкальными переливами. Поющий Замок ожил, вздохнул плачущим эхом и умолк в ожидании новых песен. Виконт рванулся было бежать, но пошатнулся и бессильно повис на руках друга.

Голубые, помнящие блеск северных льдов глаза Ингмара обежали террасу. Чем помочь? Ничего нет, кроме воды в чашах с рыбками. Рафаэлю не одолеть и лестничного марша, не то что взобраться на Львиную галерею — однако Ингмар не может оставить его здесь и мчаться к Лусии, потому что наверх они должны подняться вместе. Потом северянин будет оглушен, а виконт станет биться со Змеем... Рафаэлю не дойти. На кой ляд трижды клятая тварьхватила бедолагу что есть

мочи?!

Ингмар усадил юношу на каменную скамью, еще раз огляделся с мрачной безнадежностью. Ни целебных растений не выросло, ни врачующего зелья не натекло. Взгляд поймал короткую вспышку — отблеск солнца на шлифованном стекле. Северянин в мыслях крепко выругался: *эти* ничем не помогут, что бы ни стряслось.

Снова прозвенел крик Лусии, на минуту оживил Замок. Змей мучает девушку, желая насладиться музыкальными звуками, заставляет кричать. Вчера он так же измывался над Эстеллой. Тупая тварь не догадывается, что проще заставить девушек петь...

Ингмар расстегнул бархатную куртку виконта, затем рубашку, обнажил грудь и правый бок. На месте нижних ребер лиловел большой, мягкий на вид бугор — след от удара Змеевой морды. С такими ранами не живут.

Рафаэль застонал, глянул на Ингмара с горестным удивлением. Происходящее было немыслимо, не предусмотрено, не предназначено. На глазах у всех умирал человек, который не должен умереть, которому предписано выручать плененную Змеем возлюбленную.

— Лоцман! — крикнул Ингмар. —
Ло-оцма-ан!

По Замку покатилося эхо, и словно в ответ,

опять закричала Лусия — призывно, жалобно. На террасу вихрем взлетела Эстелла, ахнула, увидев виконта.

— Лоцман, Змей тебя сожри! — рявкнул северянин, теряя последнюю надежду. Не может быть, чтобы их защитник отлынивал и прохлаждался в винных погребах, когда идет работа. Лоцмана в Замке нет.

Лусия завизжала, срывая голос, и Поющий Замок отозвался пронзительным эхом. Взревел обиженный Змей, и раздался истошный вопль девушки:

— Лоцман, миленький! Ло-оцман! А-а-а!

— Пой! — прорычал Ингмар, обращаясь к Эстелле. — Пой что хочешь!

Она вдруг нырнула в углубление под скамьей, на которой хрипел умирающий виконт, и выпрямилась с кувшином вина в руках. Ингмар выхватил кувшин, повернулся к Рафаэлю, а Эстелла сцепила руки, прижала к груди — и запела. Прозрачный звук высокого чистого тона поплыл над Замком, наполнил его переходы и закоулки, умножился и зазвенел ответным эхом, умиротворяя Серебряного Змея, отвлекая его от пленницы.

Придерживая Рафаэлю голову, Ингмар поил его целительным напитком. Лицу виконта возвращались краски, дыхание выравнивалось, лиловый бугор на боку опадал, восстанавливалась

былая гладкость сильных мышц. Кувшин с целебным вином мог сотворить только Лоцман — значит, он все-таки появился. Слава Богине.

Эстелла продолжала петь. В богатом наряде, с самоцветами в замысловатой прическе, она выглядела красавицей. Благородный лоб, темные прекрасные глаза, тонкий нос, словно выточенный рукой вдохновенного мастера; лицо неожиданно сужалось к маленькому острому подбородку. Рот над треугольничком подбородка казался непомерно большим, однако за нежную улыбку этих свежих губ Ингмар был готов отдать полжизни.

Рафаэль отвел от лица кувшин, выпрямился, ощупал бок.

— Где он шляется? — В агатовых глазах загорелся гнев.

В колоннаде опять блеснуло солнце на стекле, затем от колонны отделилась светлая фигура и стала спускаться по боковой лестнице. Эстелла оборвала пение, а кругом зашевелились и начали удаляться еще несколько прежде незаметных фигур в маскировочных комбинезонах.

— Светлоликая, наконец-то! — вздохнула Эстелла, наблюдая их безмолвное движение. — Не знаю, кому как, а мне сегодня под объективами не по себе. — Лусия! — окликнула она. — Цела?

— Сейчас приду! — донесся ответ, и спустя минуту девушка в белом вынырнула из-под арки

далеко наверху, пробежала по галерее и заторопилась вниз по лестнице. — Великая Богиня, что у вас стряслось? Уж думала, Змей меня насмерть ударит! А потом Ингмар стал орать как оглашенный, да еще песни всякие, а в сценарии ничего подобного... — Лусия пересекла террасу, подошла к виконту, который возился с пуговицами на рубашке. — Рафаэль, как вы? Больно было? Дайте, помогу, — она хотела пособить ему застегнуться, но поймала взгляд северянина и смутилась. Щеки залил неудержимый румянец, словно Лусию застигли за каким-то постыдным занятием.

Молоденькая девушка славилась крайней застенчивостью, и добивавшийся ее благосклонности виконт порой терял всякую надежду на успех. Ингмар усмехнулся, и его понимающая усмешка вывела вспыльчивого Рафаэля из себя. К тому же он вспомнил, что сгинувший Лоцман по сю пору не объявился, и взвился со скамьи.

— Где эта сволочь, я вас спрашиваю? Всю съемку, к змеевой матери, заporоли; кто будет объясняться с Реж... — он осекся.

Тяжело, чуть враскачку шагая, по лестнице подымался Режиссер. Глаза из-под нахмуренных бровей смотрели сурово, выражение оплывшего, давно не бритого лица не предвещало легкого

разговора. Впрочем, за минувшие шесть дней съемок никто из актеров ни слова от него не услышал, и прицепленный к поясу мегафон ни разу не был пущен в ход. Северянин и пленники Замка обернулись к Режиссеру, сдвинулись плечом к плечу.

Угрюмо выдвинув нижнюю челюсть, не разжимая губ, Режиссер вытащил из кармана штанов свернутые в трубку листки сценария, встряхнул их, разворачивая, и сунул Ингмару под нос.

— Читал я это; мы все читали, — признал северянин. — Но Лоцман не явился вовремя, а Змей так саданул Рафаэля, что... Вы же видели — он чуть не умер.

Режиссер подался вперед и хлестнул его листками по щекам. Ингмар отшатнулся, сжал кулаки.

— Это вы бросьте, — проговорил он, сдерживаясь. — Я был вынужден звать Лоцмана, потому что Рафаэль умирал.

Режиссер скривился, показывая, что ему плевать на доводы сорвавшего съемку актера.

— А почему вы начали без Лоцмана? — вступилась за Ингмара Эстелла. — Вы не имели права.

Режиссер разодрал один из листков пополам и сунул обрывок текста актрисе: тот самый эпизод,

где ей предписано хлопотать над оглушенным северянином, а вовсе не петь, облегчая участь Лусии.

— Ну и что? Мне пришлось...

Режиссер сплюнул ей под ноги. Плевков попал на край подола, скатился по золотому шитью. Закусив губу, шагнул вперед виконт, и качнулся к Режиссеру северянин.

— Вон отсюда, — прозвучал над террасой властный голос. — Убирайтесь.

Тяжеловесный Режиссер неторопливо обернулся. Из боковой галереи появился Лоцман: лет двадцати трех, ладно сложенный, в черных штанах и куртке, в высоких ботинках. От природы смоляные, но уже порядком поседелые волосы были взъерошены, лоб прорезали две строгие вертикальные складки, на скулах остывал взволнованный румянец.

Охранитель мира сбежал по ступеням, остановился перед Режиссером.

— Убирайтесь, — повторил он. — Не наша вина, что так получилось. В следующий раз постараемся сыграть лучше.

У него был тонкий, одухотворенный профиль; однако стоило Лоцману повернуть голову, как лицо поразительно менялось, приобретая суровую резкость каменного горельефа. На левой щеке и нижней челюсти белел застарелый шрам, обрываясь

в жутковатой близости от сонной артерии. Большие серые глаза, казалось, имели мягкое дно: как будто талая вода залила седой пепел. Сейчас эти глаза смотрели очень жестко.

Раздраженный взгляд Режиссера исполнился холодного уважения. Оглядев Лоцмана с ног до головы, Режиссер повернулся и неспешной, развалистой походкой двинулся прочь. Пятеро оставшихся на террасе наблюдали, как он спускается по лестнице: с марша на марш, с площадки на площадку, к ожидавшему внизу вертолету.

Серая машина с бело-зеленой полосой на боку уже приняла в свое нутро операторов с кинокамерами и ждала только руководителя. Вот Режиссер забрался в салон, дверь закрылась, донесся шум двигателя, тронулись с места лопасти несущего винта. Рокот усилился, превратился в пульсирующий, сотрясающий стены рев, — и вертолет оторвался от земли, набрал высоту, развернулся и ушел в направлении солнца, исчез в его слепящем блеске. Поднятый винтом лютый ветер превратился в легкий бриз, от которого запел-зазвенел стосковавшийся по мелодиям Замок.

Когда общий противник скрылся из виду, актеры все как один обернулись к Лоцману. Красиво очерченные губы Эстеллы над крошечным подбородком гневно искривились, нежное личико

Лусии зарделось как маков цвет.

— Рафаэль тут едва не погиб, — начала Эстелла. — Где тебя носило?

В душе темпераментного виконта тоже вскипел быстрый гнев. Рафаэль рванулся было вперед, но северянин положил ему ладонь на плечо:

— Стой.

Рафаэль остался на месте.

— Говори, — потребовал он. — Почему ты не явился к началу съемок?

— Не смог, — ответил Лоцман.

— Как это не смог?! — возмутилась Эстелла. — Подлетающий вертолет слышать отовсюду! Рафаэль мучился ни за что ни про что.

Лоцман виновато глянул на виконта.

— Прости. Я задержался... потому что нашел туннель в другой мир.

— Что-о?! — взорвалась Лусия. — Паршивый туннель занимал тебя больше съемок? — Девушка запнулась, осознав слетевшее с языка рискованное слово. — Какой ты после этого Лоцман? — бросила она убийственно и отступила, словно ей было неприятно даже стоять рядом.

У охранителя мира шевельнулись брови, вертикальные складки на лбу стали глубже.

— Я полагаю, ты ответственной относишься к своему долгу, — безжалостно добавила Эстелла. — Бездельник.

— Полно вам, — вмешался Рафаэль, который обладал вспыльчивым, но отходчивым нравом. — Я с Лоцманом уже помирился.

— А я — нет, — не простившая Эстелла продолжала гнуть свое. — Уму непостижимо...

Вместо ответа Лоцман повернулся на каблуках и зашагал прочь с террасы.

— Ишь, не тронь его. Мальчишка, — заметила актриса, остывая.

— Мальчишка, — согласился Ингмар. — Только поседевший лет на сорок раньше времени, — северянин провожал взглядом гибкую фигуру в черном. — Сдается мне, он занимался вовсе не туннелем.

— Тем хуже! — фыркнула Лусия. — Еще и лжет в придачу.

— Разве можно попасть в другой мир? — полюбопытствовал Рафаэль.

— Можно, — не сразу ответил Ингмар. — Как я, например.

Пленники Замка уставились на него в изумлении.

— Ты?... — выдохнула потрясенная Лусия.

За шесть дней существования Замка северянин впервые обмолвился о прошлом.

— Меня перенесла сюда Богиня. Раньше я путешествовал с военным отрядом... Я как-нибудь потом расскажу, — пообещал он, увидев, что у

Эстеллы загорелись глаза. — Зря вы, друзья, напустились на Лоцмана. С ним стряслось нечто из ряда вон — или я ни шиша не смыслю в Лоцманах.

— Пожалуй, — помолчав, откликнулся виконт. — Пойдемте, что ли. Лусия, прошу вас, — он подал девушке руку.

Из-под ресниц блеснул стыдливо-испуганный взгляд. Темно-зеленые глаза Лусии обратились на Эстеллу, прося заступничества, однако старшая подруга притворилась, будто ей невдомек. Поколебавшись, Лусия положила кончики пальцев Рафаэлю на ладонь, и просиявший виконт бережно повел девушку к лестнице.

— Сущие дети, — улыбнулась Эстелла, и мужественное, исхлестанное ветрами лицо Ингмара тоже посветлело. — Пойдем и мы.

Вечером, когда не скатывающееся за горизонт, а попросту меркнувшее на ночь солнце дарило последний золотистый свет, северянин разыскал Лоцмана в Большом Верхнем саду, который опоясывал восьмигранную пирамиду дворца на уровне пятого этажа. Охранитель мира сидел под каскадом остроконечных листьев, длинных, как боевые клинки. Он встретил Ингмара настороженным взглядом седых глаз; казалось, ему холодно и одиноко.

Северянин уселся рядом и вытащил из-за пазухи кусок пирога с рыбой, обернутый

полотняной салфеткой.

— Угощайся; Эстелла прислала. Им с Лусией совестно, что сгоряча на тебя набросились.

Лоцман кивнул, запустил пальцы обеих рук в пронизанные тусклым серебром волосы. Есть он не стал. Ингмар выждал немного и снова заговорил:

— Я понимаю: ты не стал расписывать свои похождения перед всей оравой. Но мне можешь сказать, где застрял?

Охранитель мира не отозвался. Его резко очерченное лицо посуровело, и даже тонкий, изысканный профиль как будто потяжелел.

— Я пойму, — убежденно продолжал Ингмар. — Я видел больше, чем они, — он неопределенно мотнул головой, имея в виду остальных актеров, — и кое-что смыслю в съемках... и в наших мирах. Что с тобой приключилось?

— Я был здесь. В Замке, — ответил Лоцман медленно, словно колеблясь. И выпалил: — Инг, это было убийство! Она хотела, чтобы Рафаэль погиб.

— Кто хотел?

— Богиня. — У него расширились зрачки, и серые глаза казались черными.

Ингмар взвесил услышанное.

— Не может такого быть, — промолвил он рассудительно. — Богиня никогда не желает того,

чего нет в сценарии. А по тексту, Раф должен был схватиться со Змеем.

— Но я говорил с ней. Во время съемок. Рафаэль умирал, а она... — Лоцмана передернуло, — она радовалась!

Глава 2

Лоцман сказал актерам правду: он нашел туннель в другой мир. Собственно говоря, там не висела табличка «ВХОД В ИНОМИРЬЕ», однако если твой родной мир замкнут в кольцо неприступных гор и ты вдруг натыкаешься на округлую, размером с мотоциклетное колесо, подозрительную дыру у подножия, что первым делом приходит на ум? Лучше унести ноги — первое, что подумал Лоцман, но вместо этого слез с «дракона» и приблизился к отвесной каменной стене. Нижний край таинственной дыры пришелся ему на уровне лба; он поднялся на цыпочки и с любопытством заглянул.

Оттуда веяло сухим холодом. Внутри клубился туман — серый, седой, как глаза Лоцмана; в нем вспыхивали разноцветные искры, и в каждой чудился кадр яркой, влекущей, чужой жизни. Вспышки картин иного мира — чудесного, заманчивого, доброго. В груди защемило, и остро потянуло в этот неизвестный мир, будто на далекую

родину.

Ухватившись за край проема, Лоцман подтянулся и просунул в дыру голову и плечи. Мерцающий искрами туман отдалился, лицо обдало стылое дыхание камня. Лоцман подумал о том, как нелепо торчит оставшийся снаружи зад, и прополз глубже. Туман опять подался прочь. Искры замельтешили — точь-в-точь потревоженные пылинки в луче света; кадры так и завертелись, и в их кутерьме Лоцман уловил нечто мучительно знакомое и желанное.

Томительная страсть внезапно овладела всем его существом, он до головокружения желал попасть в клубящийся туман, в гущу кадров, — и остановить их, выловить, разобрать по порядку, пожить в неведомом мире, который откатывается прочь и упрямо не дается в руки.

Вздор, одернул он сам себя. Здесь — Поющий Замок, здесь — мои актеры: трое пленников Замка и забредший к ним по доброй воле северянин. Тут в разгаре киносъемки, на которых я обязан присутствовать и следить, чтобы все шло как положено; мой долг — помогать актерам, выручать их, если что-нибудь не заладится. Нельзя мне в чужой мир. Глупость какая; дурная блажь.

Он выскользнул из дыры на землю и первым делом отыскал глазами мотоцикл: все ли в порядке? Огромный «дракон» чинно стоял на подставке, на

руле висел шлем.

Мотоцикл был замечательный — мощный, послушный, простой в обращении. Лоцман не сотворил его сознательно: мотоцикл народился сам собой и был воплощением затаенной мечты охранителя мира. «Дракон» никак не вписывался в мир Поющего Замка, не сочетался с его обитателями, однако оказался на удивление устойчивым образованием. Новорожденный мир еще сам не устоялся и обладал изрядным запасом пластичности, а потому допускал существование не свойственных ему предметов.

Обнаружив мотоцикл у ворот Замка и ошалеv от неожиданного счастья, Лоцман с ходу нашел основные подробности — двигатель, аккумулятор, карбюратор и бензобак. Потом он отыскал стартер, а когда сообразил, что нужен ключ зажигания, сотворил и ключ.

Следующим шагом он придал мотоциклу фару, стоп-сигнал и поворотники, рукоять тормоза и даже зеркало заднего вида — хотя на что оно здесь, где по всему миру не сыщешь иного транспортного средства, кроме вертолета кино? Со сцеплением оказалось сложнее. Лоцман уяснил, что сцепление выжимают при переключении передач, но как ни старался уловить разлитую в воздухе информацию, он так и не понял, что за звери эти передачи и как их надо переключать. Тогда он

махнул на сцепление рукой и стал обходиться малым: просто-напросто газовал и ехал.

Бензобак тоже доставил немало хлопот. Выяснив, что после двухсот километров пробега надо заливать бензин — а счетчик вертелся как сумасшедший — Лоцман вздумал сотворить заправочную станцию. И сотворил: под стеной Замка появилась одинокая красно-белая колонка со шлангом; но хоть убей, бензин не желал из нее вытекать. Голь на выдумку хитра — охранитель мира начал творить пятилитровые канистры с бензином, и таким образом вопрос разрешился.

Лоцман любовно провел рукой по приборному щитку. Отличный мотоцикл. Жаль, что на нем нельзя стогнать в чужой мир и быстро-быстро вернуться...

С неба донесся тихий, на границе слышимости, звук. Он нарастал, приближаясь, и Лоцман прыгнул в седло — кино летит. Змей их загрызи, до чего некстати пожаловали! Эдак и в сценарий заглянуть не успеешь: пневмопочта приносит листки с текстом всего за несколько минут до появления вертолета. Да ладно, не беда. Либо Лоцман убедит Режиссера подождать, либо просмотрит текст во время съемки. Вполне успеет: сценарии Богиня присылает короткие, три-четыре жалких странички.

«Дракон» ворвался в ворота Поющего Замка,

когда серый вертолет с бело-зелеными полосами приземлялся у подножия главной лестницы. Замок содрогался и стонал от ветра, гремел от рокота винтов и двигателя. Над левой башней бился флаг, на белом полотнище сверкали под солнцем золотые буквы: ПЛЕННИКИ ПОЮЩЕГО ЗАМКА, а ниже и мельче — *Se non e vero, e ben trovato*¹.

Из салона вертолета неторопливо вылез Режиссер, горохом посыпались операторы в светлых, под цвет дворца, маскировочных костюмах. Бросив «дракон» у двери гаража, припоздавший охранитель мира кинулся к одной из боковых лестниц и стрелой понесся наверх, к своим актерам. Ветер упал, Поющий Замок умолк, и Серебряный Змей приготовился к нападению.

Лоцман выбежал на Шахматную террасу. Она была вымощена квадратами розовых и коричневых плит, а столбики балюстрады выполнены в виде шахматных фигур. Если пересечь террасу и с перил махнуть на крышу оранжереи, оттуда можно рвануть вон по той лесенке...

— Лоцман, — шепнули у него за спиной.

Он оглянулся, никого не обнаружил и решил, что его зовет Эстелла либо Лусия — звуки в Поющем Замке доносятся издалека и распространяются не поймешь как. Надо

¹ Если это и неправда, то хорошо придумано (итал.).

торопиться.

— Лоцман! — окликнули настойчивей и громче.

Он притормозил у края террасы.

— Кто здесь?

Ни Режиссер, ни тем более операторы с ним в жизни не заговаривали, а кроме четверых актеров и его самого, в Замке ни души. Уж не Змей ли обрел человеческий голос, да еще такой нежный? Он готов был броситься дальше: у Лоцмана нет дела важнее, чем вести съемки.

— Да постой же, малыш. — Отделившись от деревца в каменной нише, она вышла на свет.

Ее красота потрясла его и пригвоздила к месту. Прозрачное кимоно из зеленого газа не скрывало дивного тела, вокруг головы распушилось облако схваченных диадемой светлых волос, а лицо дразняще прикрывала черная полумаска. На матовых щеках ни тени румянца, гордые губы сомкнуты, небольшой твердый подбородок упрямо вздернут. Незнакомка стояла свободно, самоуверенно, опустив руки вдоль тела; под прозрачным покровом чуть колыхалась высокая налитая грудь. Завороженный, потерявший дар речи Лоцман был не в силах шелохнуться. Красавица насмешливо улыбнулась, и он опомнился.

— Открой лицо. — Он подумал и поправился: — Откройте лицо, пожалуйста.

Женщина засмеялась негромким бархатистым смехом.

— Всему свое время, малыш, всему свое время. — Она приблизилась и взяла его за руки горячими цепкими пальцами.

— Простите, я тороплюсь. — Он пытался собрать разбегающиеся мысли. Незнакомка умопомрачительно хороша собой, но посланное свыше знание говорит, что от подобной красотки легко дождешься какой-нибудь пакости. Лоцман хотел вежливо высвободиться; не тут-то было — ее пальцы держали крепко. — Пустите, пожалуйста, — он напряг мускулы, давая понять, что в случае необходимости применит силу, и внушительно повторил: — Я в самом деле тороплюсь.

— Будь по-твоему, — согласилась незнакомка. — Я тоже пойду. — Не отпуская его руку, двинулась с Шахматной террасы к большой лестнице.

Лоцман с удовольствием побежал бы напрямик, но не видел способа отделаться от неожиданной спутницы, не выставив себя безобразным грубияном. И откровенно говоря, расстаться с ней было бы жаль. Ну и пусть задержусь на минуту. Не трагедия, коли не пролистаю сценарий: до сих пор настырный Змей из раза в раз похищал Лусию или Эстеллу, а

Ингмар с Рафаэлем мужественно спасали прекрасных пленниц. Скорей всего, и сейчас ничего нового нас не ждет.

— Кто вы? — спросил он, искоса поглядывая на полускрытый черным шелком профиль красавицы, безуспешно стараясь не смотреть на облитую прозрачным газом грудь.

Незнакомка подарила ему манящую улыбку.

— Догадайся.

Он запнулся о ступеньку. Это же Богиня! Кто, если не она?

— Богиня, — вымолвил он ошеломленно. — Ясноликая Богиня.

Блестящие из-под полумаски глаза обратились на него с любопытством, затем красавица с задумчивым видом провела кончиком языка по губам.

— Ну, допустим, малыш, ты угадал. Где же знаки поклонения? Целование руки, падение на колени?

— Не будем терять время. — Он прибавил шаг, решительно увлекая ее за собой. Богиня там или нет, а у Лоцмана есть свой долг.

Посмеиваясь, она быстро перебирала босыми ногами, бежала по лестницам и галереям вслед за ним.

Лоцман издали углядел нисходивших по лестнице Эстеллу с Лусией и ожидавших на террасе

мужчин. Кинооператоров не было видно — маскировочные костюмы сливались с обстановкой. Чтобы ненароком не попасть в объектив, Лоцман остановился, указал Богине место за скульптурой печальной полуобнаженной девушки, а сам укрылся за соседней — совсем обнаженной, но веселой. Каменная статуя не шла ни в какое сравнение с будоражащим кровь живым телом Богини. Досадуя на себя за неуместные мысли, охранитель мира сосредоточил внимание на актерах.

Рафаэль двинулся навстречу дамам, и прозвенел чистый голосок Лусии, долетевший сквозь тишину так же ясно, как если бы она говорила в двух шагах:

— Прекрасная погода нынче, господа!

Рафаэль склонился в низком поклоне.

— Какая чудная грация, — вполголоса заметила Богиня.

Уколола неожиданная ревность: красавица наблюдала за виконтом, приоткрыв от восхищения рот. Лоцман раздраженно прикусил губу. Ему-то что за дело? Пусть себе восхищается — Рафаэль и впрямь строен и изящен, как... сам Лоцман. Тьфу, пропасть! Он сердито тряхнул головой, а Лусия тем временем вынула из прически красную розу и бросила к ногам виконта.

Меж колонн галереи сбоку от лестницы

появился серебряный блеск. Лоцман вздрогнул. Уже который раз повторяется одно и то же — и все равно ему стоит труда не закричать, предупреждая об опасности. Ингмар метнулся прикрыть Эстеллу. Лоцман вдохнул, сжал кулаки, напрягся всем телом — чтобы смягчить удар Змея, не позволить твари оглушить северянина, швырнуть головой о камни. Сшибленный с ног Ингмар рухнул на одно колено. Эстелла пустилась бежать, а Рафаэль бросился к Лусии, обнял девушку. Богиня вскрикнула.

Голова Змея дернулась назад, готовясь к новому удару, Лоцман тоже приготовился — и тут сильные руки обвили его за шею, сдавили горло, дернули вниз. От неожиданности он едва устоял на ногах, уцепился за угол каменного постамента. Змей саданул виконта под ребра, Рафаэль повалился на ступени. Ошеломленный Лоцман отбивался, а Богиня обнимала его, прильнув всем телом, стонала, точно от боли. Когда он высвободился, Змей уже унес Лусию, а над Рафаэлем хлопотала Эстелла.

— Лоцман... — Богиня задыхалась. —
Лоцман!

Он готов был закатить ей оплеуху. Нет того, чтобы красотка кинулась на шею в иную, более подходящую минуту — не во время же съемок с ней миловаться! Из-за нее Лоцман проворонил самый важный миг, позволил чудовищу всерьез

ранить человека.

— Уйдите, — велел он, сдерживая гнев. — Вы мешаєте съемкам.

Богиня откинула голову, надменно усмехнулась. В ее диадеме переливались рубины, словно капли красного вина, и огнисто вспыхивали мелкие алмазы. Пышная грудь под зеленой паутиной кимоно успокаивалась.

— Это мои съемки, — проговорила Богиня. — И мои актеры. И ты — мой Лоцман! — ее голос поднялся, но не разлетелся по Замку, а натолкнулся на скульптуры и вернулся слабым, тут же замершим эхом. — Здесь все принадлежит и подчиняется мне. На колени, Лоцман. На колени!

Он не шелохнулся. Он всегда знал, что Богиня сотворила этот мир и четверых актеров — и его, Лоцмана, тоже; догадывался, что именно Богиня позволяет ему изменять мир, дает силы направлять в нужную сторону ход съемок, — но при этом не испытывал того благоговения и восторженной любви, что пленники Замка и северянин. Даже сейчас, имея возможность созерцать ее пьянящие формы, пережив огонь ее объятий, он ощущал лишь сладко волнующую власть ее тела — но ни тени должного почтения.

— Я прошу вас уйти. Вы не позволяете мне... — он смолк — Богиня расхохоталась. Заливистый смех забился в узкой клетке галереи,

где они стояли.

— Но Лоцман, — вымолвила она с насмешливым укором, — это же *мои* съемки. Все будет так, как хочу я .

С этим не поспоришь, Богиня здесь — высшая власть. Лоцман обернулся к актерам. Северянин помог виконту подняться на ноги, и они побрели вверх по лестнице. Сжалось сердце: Рафаэлю плохо, он держится на одной силе воли. погоди, дружище, я помогу, возьму на себя твою муку... Участилось дыхание, Лоцман невольно прижал к ребрам ладонь — чужая боль запустила когти в его тело, начала просачиваться внутрь. Не беда, я потерплю, лишь бы Рафаэлю стало легче — ведь ему досталось по моей вине, это я не доглядел, не уберег... Увы — юный виконт страдал по-прежнему.

Богиня негромко засмеялась, ниже маски заалели пятна жаркого румянца, раскрывшиеся губы подрагивали. Лоцман подавил стон — боль делалась все мучительней. Страшно подумать, что испытывает Рафаэль. Он смирил гордость и учтиво промолвил:

— Светлоликая Богиня, прошу вас: пощадите своего актера.

Красавица придвинулась, обняла его за пояс, прижалась упругим бедром, губами коснулась щеки.

— Милый, трогательный мальчишка. Я избавлю тебя от страданий. — Она погладила Лоцмана по боку, и он вздохнул с облегчением: боль исчезла без следа, а прикосновение женской ладони осталось сладостно-томительным ощущением, теплой памятью об обещании.

Он не посмел обнять почти обнаженный стан Богини, а снова попросил, запинаясь от ее жаркой близости, но честно стремясь исполнить свой долг:

— Ясноликая... будьте милосердны. Рафаэль не заслужил... этих мук.

Актеры добрались до террасы, где на бронзовых треножниках поблескивали чаши-аквариумы. Протяжно закричала Лусия, Рафаэль рванулся бежать, однако ноги у него подкосились. Морщась, точно от новой боли, охранитель мира наблюдал, как Ингмар усадил юношу на каменную скамью и огляделся в безнадежных поисках целебного средства. Богиня хихикнула, положила ладонь Лоцману на грудь, на колотящееся сердце.

— Посмотри на меня!

Он повернул голову. Полускрытое черным шелком лицо женщины пылало откровенной страстью. Лоцмана передернуло: казалось, эту страсть подхлестывают мучения виконта.

На галерею долетел звук хриплого дыхания. Лоцман оттолкнул Богиню.

— Не мучайте его. Как вы смеете?

— Я-то смею, — она косилась на Рафаэля. К прыгающей от частых вдохов груди прилила кровь, под прозрачным кимоно разлилось алое пятно. — Поди сюда. Мой чудный, волшебный седой мальчик, иди ко мне.

Прозвенел новый крик Лусии; Поющий Замок благодарно откликнулся и затих. Лоцман сжал кулаки. Он не должен перечить Богине... это невысказано...

На террасе Ингмар расстегнул куртку и рубашку виконта, обнаружил лиловый бугор над сломанными ребрами. Богиня постанывала, тянулась к пятывшемуся Лоцману.

— Пощадите! — крикнул он, и мгновенно вернувшееся эхо пощечиной ударило в лицо.

— Пусть его... пусть умирает... Ну же! — она рванула на груди невесомую ткань.

У него перехватило дыхание — и от вида ее ослепительного тела, и от чувства собственной беспомощности. Он предает Рафаэля. Он, охранитель мира, пренебрег своим долгом, позволил глумиться над беззащитным актером. Будь она проклята, эта Богиня...

— Лоцман! — вопреки законам киносъепок, крикнул Ингмар. — Ло-оцма-ан!

Завыло свирепое эхо, и жалобно закричала Лусия, мучаясь в объятиях Змея. Изыщным,

сводящим с ума движением Богиня опустилась перед Лоцманом на колени, прильнула к нему, уткнулась лицом ему в живот. Он сжал руками ее голову, обжег ладонь о сверкающую камнями диадему.

— Лоцман, Змей тебя сожри! — Это разъяренный Ингмар.

Охранитель мира разрывался между чувством долга и желанием покориться Богине. Голова шла кругом, очертания дворцовых построек расплывались перед глазами, казалось, еще миг — и он повалится на каменные плиты, уступая мольбе ее рук.

Новый вопль Лусии пронзил ему сердце. Зашелся стократным эхом Замок, взревел разозленный Змей, и над дворцом понесся истошный призыв измученной девушки:

— Лоцман, миленький! Ло-оцман! А-а-а!

— Лоцман... — выгибаясь, призывно стонала Богиня.

Он стряхнул наваждение. Она не должна, не имеет права, не смеет истязать Лусию и убивать Рафаэля.

«Скажи ей — пусть поет», — мысленно велел он Ингмару.

Северянин услышал его и приказал Эстелле петь, услаждая Змея. Лоцман глубоко вдохнул, сжал кулаки, напрягся всем телом, зажмурился от

усилия. Надо сотворить им кувшин. Эстелла, найди целительное вино!

Актриса выхватила спасительный кувшин из углубления под каменной скамьей, вручила Ингмару. Лоцман перевел дух.

Соблазнительница поднялась с колен, запахнула на груди разорванное кимоно.

— Ты посмел противиться Богине?

— Посмел. — Он приготовился понести заслуженную кару.

— Я тебя уничтожу, — прошипела она с яростью оскорбленной, отвергнутой женщины.

Лоцман пожал плечами. Он слишком устал, чтобы в чем-то ее убеждать. Она с минуту сверлила его взглядом горящих из-под полумаски глаз, затем усмехнулась.

— Однако ты храбр... юный седой Лоцман. Не убоился прекословить Богине.

Красавица повернулась и, мягко ступая босыми ногами, заскользила прочь по галерее. Среди белых скульптур в последний раз мелькнуло зеленое кимоно, и Богиня исчезла.

Лоцман смятенно провел рукой по лицу. Стыд какой — он нарушил свой долг! Но до чего же она хороша... Жестокая. Кто бы мог подумать, что страсть в такой пленительной женщине подстегивается чужой болью.

Внезапно он испугался. Богиня, которая не

любит и не жалеет своих актеров, заставляет их мучиться и умирать, — сегодня она вмешалась в съемки, отвлекая и соблазняя Лоцмана, а завтра? Скажем, наутро пневмопочта принесет сценарий, который предпишет Рафаэлю в страшных мучениях умереть от ран. А сценарий — это высший закон, и супротив него Лоцману не пойти. Он обязан следить, чтобы действие не отклонялось от текста, и даже если Богине вздумается казнить всех четверых, охранитель мира обязан подчиниться.

Он стиснул зубы. Посмотрим, кто здесь будет подчиняться. Лоцман существует не для того, чтобы склоняться перед прихотями бессердечной вертихвостки; потребуется — он и на нее найдет управу.

А все-таки она упоительна и бесподобна...

Не перебив ни словом, Ингмар выслушал рассказ. Помолчал, размышляя.

— Ты глупый самонадеянный мальчишка, — наконец вымолвил он добродушно. — С какой стати Великая Богиня явится к тебе простецки заниматься любовью? Это была не она.

Лоцман в задумчивости расстегнул куртку, под которой оказался зеленый свитер, и его серые глаза приобрели зеленоватый оттенок.

— Но она сама так говорила.

— Это ты назвал ее Богиней, а она не отказалась. Ешь пирог, — Ингмар подвинул

угощение на салфетке.

Лоцман покачал головой.

— В горло не полезет. Инг, а ну как она вздумает уморить вас всех? Заточить в подземные казематы, запытать до смерти?

— Пойми же: она не Богиня. Наша Богиня — Ясноликая, а твоя красotka — в маске.

— Тогда кто она такая? — Лоцман воспрянул духом. Если таинственная красавица — не Богиня, она не имеет абсолютной власти над миром Поющего Замка.

— Там, где я жил раньше, — северянин кашлянул, словно у него запершило в горле, — у нас был свой Лоцман. Неплохой парень, хоть и с ленцой... — Ингмар сглотнул и помотал головой, как будто в горле застряла болезненная кость. — Он рассказывал... — актер задохнулся, схватился за грудь.

Лоцман вскочил, уложил его на спину, расстегнул куртку, в спешке оборвав бронзовые застёжки под горлом.

— Что с тобой? — Он перепугался, вообразив, что загадочная красавица в гневе наслала на актеров мор.

— ...рассказывал про второе «Я» нашего Бо... — северянин захрипел, забился, — Бога.

— Молчи, — Лоцман зажал ему рот рукой. Напружинился так, что перед глазами все поплыло,

и сотворил кислородную подушку.

— Его звали Хо... Хо... — Ингмара свело жестокой судорогой, глаза закатились.

— Милосердная Богиня! — Лоцман прижал маску ему ко рту, пустил кислород. Слова будто комьями застревают у северянина в горле, душат его и пытаются погубить. — Молчи, не хочу ничего слышать! — рывкнул он, едва актер ровно задышал и открыл глаза.

Ингмар отвел от лица маску и сел, опираясь на обе руки. Посмотрел на кислородную подушку, на Лоцмана и с виноватым видом растянул в усмешке посеревшие губы.

— Не положено потчевать тебя байками о других Лоцманах и Хоз... — он поперхнулся. — Строго-настрога запрещено, сам видишь. Доброй ночи. — Северянин поднялся на ноги, миновал строй малахитовых чаш с цветущими розами и пропал из виду; шелест шагов потонул в нескончаемом пении Замка.

Лоцман был сбит с толку. Что за ерунда? С чего это актер не имеет права поведать о самом интересном? Надо же — у Ингмара прежде был другой Лоцман и даже не Богиня, а Бог. Кто бы мог подумать. Обидно: оказывается, я на удивление мало знаю о своих актерах — да и обо всем остальном тоже. И это называется охранитель мира...

— Лоцман, — вздохнул нежный голос.

Он вскинулся, заозирался. Красавица в черной полумаске выступила из-за усыпанного белыми цветами куста. Взамен разорванного кимоно на ней было зеленое платье из плотной материи, однако ноги остались босыми, а на голове поблескивала самоцветами знакомая диадема. Слава Богине — она пришла!

— Слышала я, как ты расписывал меня Ингмару, — начала она. — Спасибо, что не приврал. — Женщина печально вздохнула. — Я не такая уж стерва, как тебе показалось. Мучить актеров — бесчеловечно, понимаю... но тяга к жестокому сидит во мне, она порой сильнее, чем... — красавица с трудом подыскала верные слова, — чем добрые инстинкты. А сегодня все как-то не так, я сама не своя... Лоцман, — она протянула руку, пригладила его густые, соль с перцем, волосы. — Мой бедный седой Лоцман. Прости; мне очень неловко за сегодняшнее.

Он поймал ее запястье и придержал, вглядываясь в загадочное, полускрытое черным шелком лицо.

— Зачем тебе маска?

— Прятаться.

— От кого?

— Дурацкий вопрос, — она недовольно повела плечами, и Лоцман поспешил спросить о

другом:

— Кто ты?

— Хозяйка.

— Второе «Я» нашей Богини?

Женщина прищурилась; он уловил движение длинных ресниц в прорезях полумаски.

— Напрасно Ингмар наболтал тебе лишнего... — протянула она. — Согласна: второе «Я».

— То есть тяга к жестокому в первую очередь сидит в Богине? — уточнил Лоцман, озабоченный будущим своих актеров.

— Ну-у... можно сказать и так, — неохотно признала Хозяйка. — Ведь мы с тобой — ее воплощения.

— Замечательно, — хмуро бросил он. — Великая честь — воплощать в себе такую злыдню.

— Не богохульствуй! — возмутилась женщина.

Лоцман продолжил расспросы:

— А почему ты не появлялась раньше?

— Хозяйка всегда скрывается от обитателей мира, — отозвалась она холодно. — И от Лоцмана тоже.

— Отчего же сегодня вышла? Стало невтерпеж?

Она выдернула руку из его пальцев. Гордые губы сурово сжались, женщина отступила.

— Погоди обижаться, — попросил он. — Я пытаюсь понять, что к чему.

Хозяйка смягчилась.

— Я и сама не понимаю толком. Что-то изменилось в мире — я еще не разобралась, что именно. Но мне захотелось к тебе явиться, и я смогла. — Она потянулась к Лоцману, заставила его нагнуть голову и прохладными, как ночной ветерок, губами коснулась лба. — Я еще приду к тебе, хочешь? — Хозяйка неожиданно смутилась, переступила с ноги на ногу и попала босыми пальцами на край полотняной салфетки. — О-о, что тут лежит! — вскричала она обрадованно, словно только сейчас обнаружила принесенный Ингмаром пирог. — Я съем кусочек?

— Сколько угодно. Пстой; я сделаю ужин. — Лоцман оглянулся, прикидывая, где расставить посуду с яствами.

— Не трудись. — Красавица засмеялась. — Я хочу только пирога.

Он поднял угощение вместе с салфеткой, разломил пополам и поднес Хозяйке.

— Благодарю, — она выбрала себе долю и съела, откусывая маленькими кусочками и смакуя. — Восхитительно. В наших кладовых довольно всяческих запасов, но клянусь Ясноликой, Эстеллина стряпня превосходит все.

Хозяйка заметила, что не притронувшийся к

пирогу Лоцман глядит на нее во все глаза, и улыbnулась с тихой нежностью, так не похожей на страсть, свидетелем которой он был несколько часов назад.

— Мир изменился, это правда — но пусть бы он изменился к лучшему. Доброй ночи.

Лоцмана неодолимо потянуло коснуться ее на прощание, сказать: «Как жаль, что ты уходишь». Он придвинулся, хотел было взять ее за руку — но Хозяйка неожиданно шарахнулась, точно от ядовитой змеи.

— Нет! — И еще раз, жалобно, со всхлипом: — Нет!

— Ты что? — обескураженный, он отступил.

— Я поняла... Не подходи! — выкрикнула Хозяйка с надрывом, хотя Лоцман и не думал трогаться с места. — Я все поняла! О-о, Светлоликая, будь же милосердна!

— Великий Змей! Что ты раскричалась? — Он сосредоточился — и сотворил на ладони серебряный кубок с вином. — Глотни-ка.

Женщина отшатнулась.

— Это твоя кровь, — вымолвила она трагическим шепотом. — Побереги ее.

— Конечно, сберегу, — кротко согласился Лоцман, посчитав, что Хозяйка внезапно повредилась в уме. — Смотри: она будет храниться здесь, — он поставил кубок на край малахитовой

чаши. — А теперь пойдём...

У нее задрожали губы — казалось, гордая красotka вот-вот ударится в слезы. В голубых сумерках лицо в полумаске казалось призрачным и еще более прекрасным, чем при ярком солнце.

— Дурачок, — прошептала она, — не понимаешь...

Хозяйка вдруг повернулась, кинулась бежать и в мгновение ока растаяла в душистых зарослях вечернего сада. Стало тихо, только посвистывал и напевал ветерок, да жалобно позванивали осыпающиеся с печаль-дерева цветы. И будто дальнее эхо, долетел рыдающий голос:

— Отныне ты — мертвый Лоцман!

Глава 3

Полуночи Лоцман явился в столовую, по обыкновению, позже всех. Однако сегодня он не гонял по округе на мотоцикле, а прочесывал дворец и башни Замка в поисках Хозяйки. Не нашел.

— Всем доброго утра, — он уселся во главе длинного стола.

Бросил вопросительный взгляд на Ингмара: поведал ли ты про выходки Хозяйки? Северянин невозмутимо поглощал мясо, заедая моченой брусникой. Стало быть, новостями не делился — не в его характере трепать языком направо и налево.

После вчерашней исповеди Лоцмана они не видались, и северянин еще не знал о втором явлении Хозяйки и ее странных криках о «мертвом Лоцмане». Об этом следовало потолковать с глазу на глаз.

Сквозь высокие витражи лился золотисто-розовый свет. Он отражался в зеркалах, плыл над белой скатертью и фарфоровой посудой, зажигал блестящие точки на серебряных приборах. Охранитель мира оглядел выложенную на блюдах богатую снедь и с изумлением обнаружил жареного зайца: как повелось, если он сам не сотворял горячее, на завтрак жаркого не бывало.

— Что за переполох в приличном доме?

Эстелла положила ему в тарелку изрядный кусок.

— Чего не сделаешь ради Лоцмана! Даже встанешь спозаранку и зажаришь дичь.

— Спасибо. Потрясающе, — он принялся уплетать зайца за обе щеки, хотя по сравнению с тем, что подавал на стол охранитель мира, мясо оказалось жестковато.

Рафаэль не поленился подняться с места и налить ему вина; Лусия то и дело подкладывала Лоцману кусочки повкуснее — все трое стремились загладить вчерашнюю размолвку. Он был тронут. В сущности, он сам провинился перед актерами — сорвал съемку, а виноватыми себя чувствуют они.

— Эст, как по-твоему, зачем красивой женщине скрывать лицо под маской? — выдержав приличную паузу, заговорил Лоцман.

Льдистые глаза Ингмара блеснули; однако он промолчал и как ни в чем не бывало продолжал жевать. Эстелла отнеслась к вопросу серьезно: руки с ножом и вилкой опустились, брови сдвинулись — она усердно ловила разлитые в воздухе сведения. Лоцман и сам полночи ловил, что мог, процеживая информационное поле, но ему хотелось услышать мнение актрисы.

— По обычаю, — Эстелла перевела дух. — В некоторых странах женщине положено прятать лицо от чужих, и ее видят только домашние.

— Или, к примеру, лицо обезображено, — подсказала Лусия.

Все посмотрели на девушку, и от смущения у нее покраснелись мочки ушей.

— А если она носит полумаску? — продолжал Лоцман.

— Значит, обезображена середина лица. А что?

— Ничего, так просто...

Охранитель мира способен творить жареное мясо, канистры с бензином и целительное вино, но в силах ли он исправить лицо Хозяйки? Лоцман невольно провел пальцами по извилистому шраму на щеке. Вчера перед сном он попытался стереть

след старой раны — и с досадой обнаружил, что собственное тело не подчиняется приказаниям. Оно находится выше уровня, на котором Лоцман может творить и изменять свой мир. А Хозяйка — она и есть Хозяйка, а не простая актриса; и большой вопрос, распространяется ли на нее власть охранителя мира.

— А может, у нее прыщ на носу, — продолжала Эстелла, размышляя.

— Или веснушки высыпали, — подхватила Лусия. — И бородавки.

— Светлоликая, оборони! — Эстелла в деланном ужасе всплеснула руками. — Не поминай лихо — заведется.

— Не буду, не буду... Я вчера прочла одну книжку, — разговорившись, Лусия позабыла обычную стеснительность. — Называется «Последний дарханец»...

Лоцман выронил вилку.

— Как ты сказала? — Голос сел от внезапного волнения, пальцы задрожали, охранитель мира прижал ладони к столу. — Как называется?

— «Последний дарханец», — ответил за Лусию Рафаэль. — Я тоже прочел — здорово. Главное, я понял: вот настоящая книга, а все наше — барахло для слабоумных.

Дворцовая библиотека и впрямь вызывала недоумение и обиду: на трех стеллажах теснились

убогие книжонки с обрывочным, невнятным и путаным текстом. Несколько детских книг заметно выигрывали — истории про Красную Шапочку, Робин Гуда и капитана Гранта были изложены полно и хорошим языком — однако для целого мира этого, конечно, мало. А уж так называемый Большой Толковый словарь попросту вызывал смех: четыре томика с мизинец толщиной, статей в них кот наплакал, а объяснения таковы, что нет смысла читать. Проще сосредоточиться и выловить желаемые сведения из окружающего информационного поля.

— Одно плохо — повесть без конца, — добавил виконт.

— Погодите, — Лоцман вскочил из-за стола. — Где книга?

— У меня в спальне. — Лусия взгляделась. — Тебе нехорошо? Ты весь побелел.

— Я возьму ее; можно? — Он рванулся к двери.

— Возьми! — крикнула актриса вдогонку, когда Лоцман уже бежал по коридору.

«Последний дарханец»! Магические слова потрясли его, оглушили, взяли в плен. Книга, о существовании которой он пять минут назад даже не подозревал, неодолимо влекла к себе, и Лоцман откликнулся на зов, ринулся к ней со всех ног. Едва заставил себя сдержаться и не высадить дверь

плечом, а повернул рукоять и вошел в комнату, как положено культурному человеку.

В спальне Лусии было опрятно, уютно, и пахло благовониями; интуиция подсказала, что Рафаэля эти стены еще не видели. Это спальня юной целомудренной девушки, и Лоцману стало неловко от того, что ворвался сюда и нарушил покой не знающей мужчин девичьей комнаты. Он углядел на подоконнике томик в сером переплете, схватил его и выскользнул вон.

За дверью Лоцмана встретил Ингмар; глаза актера блестели, как осколки голубого льда.

— Что это ты всполошился?

— А ты что? — Прижимая «Последнего дарханца» к животу, Лоцман отступил, как будто северянину могло прийти на ум кинуться на охранителя мира в попытке отнять сокровище.

— Покажи-ка.

— Не здесь. Пойдем, отыщем укромный закуток.

Они зашагали по широкому коридору, разделяющему дворец на две части — меньшую жилую и большую необитаемую. Коридор украшали классические скульптуры, морские пейзажи в резных рамах и бронзовые светильники — совершенно никчемные, поскольку их никогда не зажигали. Во всех внутренних, без окон, помещениях дворца светился самый воздух, к ночи

угасающий одновременно с солнцем.

— С какой стати охранитель мира гоняется за дурной книжицей, будто северный веслоклюв — за пиявками? — заговорил Ингмар.

— Это же «Последний дарханец». — Лоцман поймал себя на том, что машинально гладит теплый наощупь переплет, будто любимую кошку.

Актер поглядел на книгу довольно мрачно.

— Что тебе в ней?

— Сам не знаю. Она как живая — зовет, просит... Пощупай.

Северянин потрогал корешок.

— Меня не зовет. Давай сюда, — он свернул в боковой коридор, который вел в никуда: в центральной части дворца тянулись анфилады одинаковых комнат без внутренней отделки, с голыми унылыми стенами. Под потолком, будто слоистый дым, плавал сероватый свет, ненадежный пол скользил и проседал под ногами, а вездесущее замковое эхо здесь мертво молчало. Место, о котором Богиня не думает и не заботится, не живет.

Ингмар миновал пару холодных серых комнат, остановился.

— Хоть можно без опаски словом перемолвиться — эхо не пойдет гулять по закоулкам. Я вот что хотел сказать: не к добру все эти новшества. — Его обветренное лицо стало совсем хмурым.

— Какие новшества? — Охранитель мира прижал к груди «Дарханца», согреваясь исходящим от книги теплом.

— Во-первых, туннель в другой мир, — северянин загнул палец на левой руке. — Где это видано, чтобы в горе возникал проход? Затем, — он загнул второй палец, — к тебе является Хозяйка... — Ингмар запнулся, удивленно уставился на Лоцмана: вчера актер чуть не погиб, пытаясь произнести воспрещенное имя, а сейчас оно свободно слетело с языка.

— Тебе не возбраняется говорить, что я и сам знаю, — предположил Лоцман.

— Похоже. Так вот, в мире что-то переменялось, и мне это не по душе.

Охранитель мира нахмурился; в ушах явственно прозвучал рыдающий крик: «Отныне ты — мертвый Лоцман!» Он спросил:

— А до тебя донеслось, что Хозяйка сказала на прощание? Уже после того, как мы с тобой разошлись?

— Нет.

То ли Ингмар был так занят своими делами, что не слышал, то ли непредсказуемое эхо затерялось в галереях. Скорее второе, потому как остальные актеры тоже ни словом не упомянули Хозяйкино откровение. А уж коли бы до них долетело «Ты — мертвый Лоцман!», разговорам не

было б конца.

Северянин глядел выжидательно, однако Лоцман предпочел до времени помолчать и дослушать актера.

— Давай дальше: что там у нас третье?

— Да книга же. Сам говоришь — зовет и просит. И туман в туннеле манил и звал. По-твоему, это совпадение?

— По-моему, раз уж я не попал в туман, надо хоть «Дарханца» почитать.

Лоцман остро пожалел о том, что он, охранитель Поющего Замка, разбирается в законах своего мира куда хуже простого актера. Правда, Ингмар — не простой актер, а побывал где-то еще помимо Замка. А Лоцман? Шрам на щеке говорит: охранитель мира где-то был и что-то видел — однако память словно затянуло седым туманом.

— Инг, надо читать; я сдохну от любопытства, — он раскрыл книгу на первой странице.

Северянин придвинулся и стал, глядя сбоку.

Со страниц точно повеял свежий ветер, и в комнате как будто посветлело.

* * *

Милтон понял: с братом что-то стряслось, когда Стэнли еще не вошел в квартиру. Ключ

скребся в замке, отказываясь поворачиваться, а Стэнли бессмысленно дергал дверь.

— Эй! — Милтон вышел в прихожую. — Погоди, я тебя впущу.

За дверью звякнуло — вроде бы металл о камень. Господи, что на нас опять свалилось? Что еще может случиться — после всего, что уже произошло?

Он открыл замок. Дверь распахнулась, и Стэнли ввалился в прихожую, царапнул стену, пытаясь зацепиться, и начал оседать.

— Стэн! — Милтон испугался, что он ранен. Схватил брата подмышки, развернул к себе лицом, оглядел. Вид безумный, но крови не видать. — Что с тобой?

Стэнли вывернулся у него из рук, отскочил. Дорогой белый костюм перемазан и порван; воспаленные глаза сухо блестят, углы губ подергиваются.

— Что такое? — строго спросил Милтон. — А ну давай в комнату.

Стэнли затряс головой, отмахнулся, когда старший брат попытался увести его из прихожей, сшиб с Милтона очки — тот едва поймал выскользнувшую из-за уха дужку.

— Отвяжись. — Стэнли задыхался. — Отвяжись, говорю!

— Ну и черт с тобой. — Пусть сам

оклемается, решил Милтон. Бедняга Стэн — вот и на него наехал каток несчастий, которые уже больше двух недель преследуют семью Стэров.

Он запер входную дверь, прошел в кухню.

Сводные братья совсем не походили друг на друга; только глаза были одинаково серые — в мать. Да разве что сейчас, в черных брюках и свитере, Милтон казался таким же тонким и легким, как девятнадцатилетний Стэнли. Он начал одеваться в черное — неосознанный траур по своей надломленной жизни — когда получил от уехавшей с дочкой на курорт Джулии прощальное письмо. Жена писала, что не намерена возвращаться и подает на развод, чтобы найти маленькой Лиз другого, более достойного отца. Впрочем, тогда Милтон не надел траур, а помчался к Джулии выяснить, в чем дело, отговорить ее, убедить... Она отказалась с ним встретиться, предполагаемый новый муж оказался миллионером из Канады, и у Милтона вышли неприятности с охраной.

Необъяснимый разрыв едва не свел его с ума. Спустя шесть лет после свадьбы они с Джулией все еще были влюблены друг в друга, Милтон души не чаял в малышке Лиз. И миллионер тот поганый, лысая развалина — на кой ляд он ей сдался? К деньгам Джулия относилась спокойно, купить ее старый хрен не мог. Непостижимо.

Одновременно сыпались беды и неприятности

помельче. Издательство отказалось от второй книги Милтона, хотя первая — популярный труд о декоративных минералах, облеченный в форму фантастического романа — принесла изрядную прибыль. Затем в университете разгорелся скандал: Милтону приписали сожителство со студенткой. Чуть. Девица была страшна как смертный грех; однако нашлись свидетели, и кафедра отказалась от услуг молодого блестящего преподавателя. Мать, которая обожала старшего сына и всю жизнь им гордилась, прислала негодующее письмо, отрекаясь от «беспутного негодяя, который пошел по стопам отца, бросил жену с ребенком и ударился в бесстыдный блуд». И как венец всего этого, сгорела квартира, которую год назад Милтон купил для брата. Соседи обвинили Стэнли в поджоге; дело потихоньку рассосалось, однако страховку Милтон не получил.

А теперь вот Стэнли снова ударило. Что на этот раз?

— Братишка, — позвал Милтон, запустив кофеварку. — Поди-ка сюда.

В прихожей слышалось какое-то движение. Милтон выглянул из кухни — и сердце оборвалось. Стэнли обеими руками вцепился в косяк ведущей в гостиную двери и бился виском о его край. Лицо застыло в болезненной гримасе, глаза остекленели, и от мерного, механического движения бьющейся о

косяк головы Милтону стало жутко.

— Да ты... Черт!..

Чтобы оторвать брата от косяка, пришлось ударить по предплечьям. Руки обвисли, Стэнли пошатнулся, потеряв опору. Милтон оттащил его в гостиную и уложил на диван. Ободранный висок кровоточил, стеклянные глаза не мигали, голова моталась из стороны в сторону.

— Ну, будет тебе, успокойся. — Отхлестать братишку по щекам рука не поднялась. Милтон присел рядом с ним на диван, надеясь, что Стэнли вот-вот придет в себя.

Из кухни донеслось бормотание кофеварки, поплыл аромат льющегося кофе.

Стэнли затих, невидящий взгляд уставился в потолок.

Кофеварка в кухне зашипела и начала плевать паром. Таймер не сработал; сгорит, подумал Милтон и поднялся на ноги.

Запекшиеся губы Стэнли шевельнулись.

— Милт...

— Сейчас приду, — он вышел из комнаты, неосознанно пытаясь оттянуть миг, когда на него обрушится новая беда. — Кофеварка сгорит.

Я сумасшедший, мелькнуло в мыслях. Что мне кофеварка, если рухнул весь мир?

— Милт, я...

— Помолчи! — крикнул он из кухни.

Выдернул из розетки шнур, бросил на стол. Пронзенное вечерним солнцем окно вдруг расплылось перед глазами, задрожало ярким пятном.

— Милт, — снова позвал Стэнли глухим, мертвым голосом.

— Иду. — Он тряхнул головой, на лету поймал свалившиеся очки, нацепил и вернулся в гостиную. — Ну, что стряслось?

— Я убил человека, — вымолвил младший брат.

Милтон внезапно перестал его различать — как будто упали очки и он со своей близорукостью оказался совершенно беспомощен. Он перевел дыхание, потер лоб и виски. Зрение понемногу возвращалось.

— Что ты врешь? — спросил он как мог хладнокровнее.

Стэнли сел, привалился плечом к спинке дивана. Модно подстриженные темные волосы скрыли виски, но возле уха виднелась струйка натекшей крови. Девятнадцатилетний парнишка нехорошо повзрослел, осунувшееся лицо стало озлобленным и упрямым.

— Я убил человека, — повторил он.

Милтон скрестил руки на груди. Со стороны поглядеть — новость его как будто не взволновала. Надо держаться, хотя бы один из двоих должен

сохранять самообладание и не терять головы.

— Ладно, убил так убил. Сейчас я тебе — кофе с бренди, а после расскажешь.

Он снова ушел на кухню, насыпал сахару, налил полчашки кофе и доверху добавил бренди. Размешал, вернулся в гостиную, напоил брата. Стэнли отошел немного, глаза ожили.

— Ну, рассказывай. Что ты учинил?

Стэнли отвернул голову; его передернуло.

— В ресторане, — глухо сказал он и надолго умолк. Милтон уже думал, что не услышит продолжения, однако младший брат пересилил себя: — Тот тип сбесился. Полез на эстраду. Я пою, а он привалил...

Пару месяцев назад Стэнли начал выступать с оркестром в ресторане «Мажи Ориенталь», исполнял стилизованные «под Восток» песни, которые сам сочинял. Уже наклеывался первый успех: на него обратили внимание, пригласили сделать запись на студии. Недурной голос, привлекательная внешность, обаяние молодости, подкупающая, полная юношеского азарта манера исполнения позволяли надеяться, что из него выйдет толк. Вот и вышел.

— Тип полез на эстраду — а дальше? — спросил Милтон.

— Лапоть начал! — огрызнулся Стэнли. — Зал ржет, оркестр наяривает... служба безопасности

дрыхнет.

— Ты его оттолкнул?

— Ну... в общем, да. Поддал порядком. Чтоб не распускал клешни. — Стэнли нервно усмехнулся. — Он и сверзился вниз, да башкой об пол.

Милтон понурился. Угораздило же парня.

— Милт. — У Стэнли едва ворочался язык. — Меня посадят?

— Не обязательно. Убийство по неосторожности...

— А если я спрыгнул за ним и добавил? Он дергался и вопил, а я ему вмазал ногой.

Милтон вскинул глаза.

— Ты рехнулся?

— Нет. — Слово упало, холодное и колючее, как осколок льда.

— Зачем ты ударил еще?

— Чтобы... чтобы... — Стэнли затрясло. Коротко взыв, он прижал к лицу кулаки, повалился на бок, скатился с дивана. — Я не хотел! Это не я... — стонал он и бился головой о ковер. — Я не могу... ногой в лицо... В лицо — не могу!

Милтон придержал его за плечи. Мир сошел с ума: сперва Джулия, за ней издательство, кафедра, мать. А теперь еще и Стэн впридачу. Что делать? Братишка вляпался по уши. О самообороне речи нет, это натуральное убийство с отягчающими...

Адвокаты сожрут последние деньги; на счету осталось кот наплакал... Кругом все спятели — но кому это докажешь?

Стэнли утих, поднялся с пола, заполз обратно на диван. Поглядел на старшего брата, как бывало в детстве, когда нашкодит и попадетя, — виновато и одновременно с надеждой.

— Чертушка, — вымученно улыбнулся Милтон. — Я позвоню в ресторан. — Он присел в кресло, снял трубку и набрал номер «Мажи Ориенталь». — Алло, Кэти? Привет, малыш — Молоденькая секретарша директора была равнодушна к обоим Стэрм, особенно к старшему. — Как там мой братец? Нельзя позвать?

Легкий тон был призван показать, что Милтон и слыхом не слыхал ни о каком убийстве. Девушка купилась.

— Ох, мистер Стэр, не знаю, как и сказать... У нас такая неприятность! Стэнли — с ним не все ладно. Понимаете, он... он был трезвый, это все говорят. И ни с того ни с сего — такое!

— Какое? Что с ним?

— Он... сейчас объясню, — тянула Кэти, давая собеседнику возможность подготовиться к дурным вестям. — Девочки говорят — он как с ума сошел. Пел себе, пел — и вдруг прыг со сцены, с криком. Сгреб стул да как ахнет по столику! Стекло брызнуло на ползала — тарелки, бокалы. Он бросил

стул — и бежать. Клиенты врассыпную. — Смешливая Кэти не удержалась и фыркнула. — Пару столиков свернул, даму опрокинул... Скандал! На выходе поймали, Ник думал его удержать. Ника знаете, да? Такой громила — Стэнли перед ним, как... не знаю, кто. Короче, по всему вестибюлю прокатились, он Нику нос расквасил, вырвался — и ходу. Только его и видели. Хотели в полицию звонить — не ровен час, еще где набедокурит, да только, знаете... Пока с клиентами объяснялись, приносили извинения, компенсацию сразу... В общем, до полиции руки не дошли. Но мистер Стэр, его надо искать.

— Спасибо, Кэти.

Милтон положил трубку. Посидел, не глядя на брата, затем поднялся и прошел в кухню — плеснуть себе бренди. Руки дрожали.

— Милт, — младший брат появился в дверном проеме. — Что она сказала?

Милтон ощутил яростное желание схватить кофеварку и врезать ему по физиономии. Вместо этого хлебнул кофе с бренди, опустил чашку на столик. Значит, остаток денег сожрут психиатры. А если сумасшествие заразно, если бесчинствует какой-то неизвестный микроб — тогда и врачи не помогут. Сбежать бы куда подальше, где не водится эта бацилла безумия, где никто на тебя не окрысится или — как Стэн — не припишет себе

убийство... А может, он все-таки убил, а Кэти помешалась и наболтала вздор?

— Давай удерем? — безнадежно предложил младший брат. Точно мысли прочитал.

— Давай, — вздохнул Милтон. Сел к столику, подпер руками чугунную голову. — Сейчас. Посижу чуток — и удерем.

Стэнли вытянул из-под стола табуретку, устроился рядом.

— У меня все пугается, — признался он. — Я даже толком не помню, как чего...

Милтон промолчал. Стэнли расценил его молчание как враждебное. Запинаясь, попросил:

— Не сердись. Мне кажется... я словно рехнулся. В башке двоится. Точно все приснилось — и тип этот, и как я его... И тут же — как будто просто драпанул из ресторана. Подрался с вышибалой... Я совсем сумасшедший, — закончил он тоскливо. — Ох!

Оба вздрогнули от звонка в дверь.

— Полиция, — обреченно вымолвил Стэнли. — Откроешь?

Милтон прикинул, не сиганет ли братишка в окно с восьмого этажа — пожалуй, нет, не тот настрой — и вышел в прихожую. Глянул в глазок. На лестничной площадке стоял человек — и вовсе не в полицейской форме. Незнакомец снова коротко позвонил.

Милтон открыл дверь. На незнакомце был дорогой спортивный костюм, серый с зеленой отделкой; куртка расстегнута, под ней — песочного цвета свитер. Такие же песочные волосы падают на лоб, глаза прячутся за коричневыми стеклами очков. Прямой греческий нос, чисто выбритый твердый подбородок; лицо молодое, но утомленное, помятое. Пришелец неожиданно улыбнулся мягкой, слегка растерянной улыбкой.

— Простите, — сказал он с заметным акцентом. — У вас под дверью лежали ключи. — Он предъявил два ключа с брелоком в виде эмблемы университета, в котором еще неделю назад Милтон преподавал минералогию.

— Спасибо. Это брат уронил, — Милтон вспомнил, как слышал звук брякнувшего по камню металла. Незнакомец вроде бы чего-то ждал. — Что-нибудь еще?

— Простите, — снова извинился тот. — Меня зовут Дау. Мне дали ваш адрес в «Мажи Ориенталь», — он тщательно выговаривал слова. — Я хотел побеседовать о вашем брате.

— Проходите, — Милтон отступил с порога, позволяя незваному гостю войти.

В прихожую выглянул Стэнли — лицо белое, самого трясет. Дау остановился посреди прихожей. Стэнли уставился на пришельца; губы запрыгали.

— Милт... это... это же он! Тот самый!..

— Я очень рад. — Милтон захлопнул дверь и пригласил: — Сюда, пожалуйста. — Он указал на открытую дверь гостиной.

Дау двинулся в комнату.

— Что за черт? — Стэнли смятенно обернулся к брату. — Я же... в ресторане... — он задохнулся.

— Сейчас разберемся. — Милтон хлопнул его по плечу и прошел вслед за гостем. — Присаживайтесь.

Дау остановился у стеллажа с книгами. Стеллаж был во всю стену, от пола до потолка; книги по минералогии, геологии, географии, классика, художественные альбомы. На одной из полок фотография — Джулия с Лиз на руках. Джулия, яркая брюнетка, смеялась, а светловолосая, сероглазая Лиз — копия отца — смотрела серьезно, с недетским достоинством. Малышка была в маминой шляпе и оттого в свои три года выглядела на все шесть.

Дау поглядел на снимок, затем отвернулся, нервным движением снял очки. Без темных стекол его глаза оказались огромными; Милтона отороπή взяла. В жизни не видал подобных глаз — сплошь зеленовато-коричневых, нечеловеческих.

Гость смешался.

— Я... не совсем то, что вы думаете, — начал он. Дау явился сюда по делу, однако при виде фотографии оно вылетело у него из головы. Он

собрался с мыслями, поглядел на застрявшего в дверях Стэнли и обратился к Милтону: — Мистер Стэр, ваш брат не вполне здоров...

— Милт, это пришелец, — заявил Стэнли. — Инопланетянин.

— В сущности, да, — подтвердил Дау, снова бросил взгляд на фото Джулии с дочкой. — Но я хотел поговорить не об этом. Мистер Стэр, я был в «Мажи Ориенталь», когда с вашим братом случился припадок. Видите ли, я, как у вас говорят, экстрасенс...

— Стоп. — Милтон опустился на диван, с силой сжал виски. Предметы в комнате раздвоились, стали шире, приобрели странную прозрачность по бокам. — Стэн, бренди. В кухне. Неси сюда. Пришелец?

— Ну да. Так вот, я могу ему помочь...

— *Пришелец?* — повторил Милтон, явственно ощущая, как диван под ним отрывается от пола и начинает парить в воздухе. За последние дни произошло столько невозможных событий, что он готов был поверить даже в пришествие инопланетян. Тем более, что Дау, с его громадными глазами, вполне тянул на гуманоида с иной планеты. — Безумие какое-то... — Милтону подумалось, что либо он спятил, вслед за своими близкими, либо это чей-то злой розыгрыш. Злой — не то слово...

Стэнли принес с кухни бутылку с бренди и три широких бокала, которые надел на пальцы. Он составил бокалы на кофейный столик, деловито разлил бренди. Лицо светилось.

— Милт, если Дау нас пригласит, мы улетим отсюда ко всем чертям.

— А если не пригласит?

— Все равно улетим. Правда? — Стэнли протянул гостю бокал с темно-желтой жидкостью.

Дау взял бокал, вновь оглянулся на стеллаж. Фотография неодолимо его притягивала.

— Вы возьмете нас с собой? — спросил Стэнли, ни минуты не сомневаясь, что ему не откажут.

«Нет», — хотел сказать Милтон, различив в Дау внутреннее напряжение, некую ложь.

— Если командир позволит — наш корабль к вашим услугам, — ответил пришелец.

* * *

Лоцман захлопнул книгу.

— Зло берет. Попались, как малые дети!

— О чем ты? — не понял Ингмар.

— Я говорю: все их беды — от Дау. Он же экстрасенс. Сводит людей с ума, заставляет творить Змей знает что. Хорош гусь! Совестьливый, так его и растак: на фото оглядывается, хвост поджимает. У

него, видите ли, приказ, но ему стыдно.

— Н-да... — протянул Ингмар. — Однако Рафаэль прав: в нашем хозяйстве это единственная книга, которая сделана по-настоящему.

Лоцмана охватило желание немедленно что-то предпринять. Он стиснул «Последнего дарханца» в ладонях.

— Твой туман, ведущий в иномирье, — северянин поглядел ему в глаза, — ощущение от него похоже на это?

— Ни капли. В нем разноцветные искры, кадры... Он — добрый, без убийства. — От волнения он говорил бессвязно. — Поехали — я тебе покажу! — Лоцман метнулся было к дверному проему, но актер остановил его, крепко взяв за плечо; в потемневших глазах синела тревога.

— Так что тебе сказала Хозяйка?

Лоцман сбросил его руку. Беспокойство сделалось нестерпимым и требовало действия: промчаться по ступеням, оседлать «дракон», сломя голову куда-то полететь... не куда-то, а к туннелю в горе. Если мир сотворен Богиней — значит, она же создала ход в иномирье, а раз чужой мир зовет Лоцмана — значит, ей угодно, чтобы Лоцман там оказался.

Но разве охранитель мира имеет право оставить своих актеров? Съёмки не могут идти без него, это закон жизни.

Он стоял, сжимая в руках непонятную, бередящую душу книгу, изнемогая от желания сорваться и бежать — и в то же время не в силах тронуться с места из боязни нарушить свой долг.

— Лоцман, — настойчиво окликнул Ингмар, — что она сказала?

— Что все поняла. — Он пошатнулся: каменная плита под ногами неожиданно просела и накренилась. — И что отныне я — мертвый Лоцман.

Северянин поглядел непонимающе. Затем с лица вдруг сбежала краска.

— Вот оно что, — прошептал он потрясенно. — Тебя... — Ингмар поперхнулся. — Богиня... — приступ раздирающего грудь кашля заставил его замолчать. — Не могу, — горько вымолвил актер, отдышавшись. — Прости; я не могу сказать, что... — он схватился за горло, захрипел, пошатнулся.

Выронив книгу, Лоцман кинулся его поддержать.

— Да молчи ты, Змеево отродье!

— Молчу, — северянин отер со лба испарину. — Ты поверишь без объяснений? Сделаешь, что я попрошу?

Лоцман не знал, что ответить. Ингмар намерен потребовать чего-то небывалого, несовместимого с именем охранителя мира и его

долгом перед актерами — однако северянину ведомо нечто важное, недоступное Лоцману.

— Поезжай к своему туннелю, — продолжал Ингмар. — И уходи в туман. Раз он тебя зовет — иди туда.

— Как это иди? А наши съемки? — спросил он рассудительно, хотя сжигающее нутро беспокойство сводило с ума, и стоило огромного труда держать себя в руках.

— *Наших* съемок больше не будет! — выкрикнул актер сквозь скрутивший его жестокий кашель, перешедший в рвоту. — Ты меня угробишь, — вытирая рот платком, вымолвил Ингмар, когда его отпустило. Глаза слезились. — Я же просил поверить.

Лоцман сотворил стакан холодной воды.

— Пей. И поедем вместе. — Насланная на актера очередная кара сделала охранителя мира уступчивей.

Ингмар прополоскал рот, сплюнул на пол, затем в несколько глотков осушил стакан.

— Я останусь в Замке. А ты сию минуту двинешь к туннелю; не то будет поздно. Я уже видел, как это... — он выронил стакан, по плитам брызнули осколки стекла. Северянин согнулся, обеими руками держась за живот. Простонал: — Уезжай...

Охранитель мира кинулся вон из комнаты.

Должно быть, Ингмар знает, о чем просит; да и туннель взывает и необоримо влечет. Однако Лоцман не покинет свой мир навсегда — нет, Инг, этого от меня не требуй; я только взгляну, что там, в затуманье, и сейчас же вернусь. О Ясноликая, лишь бы добраться до туннеля...

Он пронесся по украшенным росписью и канделябрами коридорам, вниз по лестницам, мимо скульптур, зеркал и картин, через вестибюль, через двор к стене Замка. Распахнул дверь гаража, выкатил «дракон», нахлобучил шлем, прыгнул в седло, промчался под аркой распахнутых ворот, вылетел на мост и понесся в открытую степь, к синеющим на горизонте горам.

Лоцман гнал мотоцикл, пригнувшись к рулю, вцепившись в его рельефные рукояти. Стрелка спидометра прыгала у 170, «дракон» выл и ревел, встречный ветер упирался в плечи и норовил вышибить из седла. Туннель в другой мир — надо скорей до него доехать, пощупать руками туман с искрами кадров, исследовать таинственное затуманье. Только бы скорей туда домчаться. «Быстрее, — шептал он как заклинание, — быстрее...» Почему горы сегодня так далеки? Их зубчатая стена отступила от Замка, жизненное пространство расширилось. Отчего это? Богиня занята нашим миром, она думает о нем и о нас, — пришло затребованное знание. Это хорошо.

Однако почему так зябко? Впопыхах забыл куртку. Досадно. Все из-за Ингмара: глядя на него, с перепугу потерял голову. Что же Ингмар такое знает, о чем не может рассказать? Очевидно, мир, где северянин раньше обитал, был богат событиями. И актер их помнит. А у меня шрам и седина в волосах — напоминание о прежней жизни, след прошлого мира или миров — не исчезают, но где моя память? Светлоликая, за что ты меня наказала, отняв способность помнить? И отчего запрещаешь Ингмару говорить?

Омерзительный холод вдруг облил его с ног до головы, скользким пальцем коснулся сердца. Лоцман сбросил скорость. С ним творилось неладное: в глазах мельтешили черные точки, затем окружающий мир потускнел и сжался до крошечного светлого пятнышка. Лоцман остановился, слез с мотоцикла, уронил его на траву. Без сил повалился рядом; в горле стоял тошнотный ком.

Что это? Явилось знание: кто-то хочет его смерти. Светлоликая! Разве возможно убить Лоцмана? Можно погубить актера, если так предписывает сценарий, — но уморить самого охранителя мира? Немыслимо.

Однако же он умирает! Лоцман со стоном вытянулся на траве. Сердце будто сжимали стальные клещи. Как больно... Чем он не угодил

своей Богине?

— Ясноликая, — шепнул он, — пощади.

Отклика не было. Тогда он мысленно позвал:
«Хозяйка!»

В ответ донесся неслышный всхлип:
«Прощай».

Страшная боль разорвала внутренности;
Лоцман свился в клубок, вжался лицом в колени.
Что я сделал? В чем провинился?

— Инг, — простонал он. — Ингмар...

Северянин услышал его: из Замка долетел
безмолвный отклик. «За что меня так?» — спросил
Лоцман, от боли позабыв о наложенном на актера
заклятье. И задохнулся от тисков, сжавших
северянину горло, когда тот попробовал нарушить
запрет и хотя бы в мыслях произнести заказанное
слово.

«Инг, не надо! — Лоцман перекатился по
земле, выгнулся в попытке спастись от
раздирающих нутро каленых крючьев. — Молчи!»
— Он проклял себя за вопрос.

«Бо...гиня... Ее заста...вил... И...т...тель».

Лоцману чуть не разорвал горло крик,
порожденный болью Ингмара — карой за
недозволенную речь.

Он смолк, распластался на траве,
обессиленный, оглушенный. Сердце стучало
неуверенно, редко, каждый удар отдавался в голове

болезненным толчком. И все-таки ему стало легче. Живой, думал он. Пока живой.

Какой-то Итель заставил Богиню покуситься на ее Лоцмана?

Итель? Что еще за Итель? Это что за мерзавец, с какой стати он надо мной измывается?!

Охранитель мира поднялся на колени, оперся о колесо «дракона». Врешь, Лоцмана сгубить не так-то просто.

Он стащил с головы шлем, вытер мокрое лицо, огляделся. На горизонте белел Замок — на полотне синего неба две белые палочки башен и усеченный конус внутреннего дворца — а впереди, рукой подать, подымались темные, неприступные горы. Граница мира. Лоцман с горечью усмехнулся. Хоть и раздвинувшийся, но все же крошечный мирок, охранителя которого едва не уморил некий гнусный Итель.

Он передохнул, прислушиваясь к съезжившейся под сердцем боли, и двинулся дальше. Если в этом мире вознамерились сжить Лоцмана со свету, он отсидится в другом — пока не надумает, что делать.

Спустя четверть часа он дотащился до места, куда приезжал накануне. Дыра в каменной стене была на месте, снаружи дрожало облачко мерцающих искр — точь-в-точь радушные хозяева, которые выбежали на крыльцо встречать желанного

гостя. Впрочем, отступившие от Замка горы стали как будто выше, и вместе с ними поднялась дыра. Оставив мотоцикл поодаль, Лоцман приблизился. Крошечные кадры вспыхивали и гасли, не давая увидеть, не позволяя понять. Он поймал себя на том, что бездумно шепчет вычитанные в книге имена:

— Стэнли, Милтон, Дау...

Он тряхнул головой; к горлу тут же подступила тошнота. Ингмар намекал, что затуманье и «Последний дарханец» суть одно. Как так может быть? Он мысленно окликнул северянина.

Молчание.

Лоцман встревожился. Что там, в Замке?

«Инг, дружище! Что с тобой?»

Не отзывается. Лоцмана прошиб холодный пот. Уж не сгубил ли он друга своими вопросами?

«Ингмар, Рафаэль! Эстелла!»

Молчат, все трое.

«Лусия!»

Не откликнулась. Лоцман внезапно успокоился. Скорей всего, они просто-напросто не слышат: проклятый Итель отнял у него способность общаться с актерами на расстоянии. Тем хуже для мерзавца — когда придет время, это мы тоже поставим ему в счет. А сейчас, по совету мудрого Ингмара, мы уходим.

Лоцман повернулся к туннелю, прикидывая, какую лестницу сотворить — стремянку или приставную. И замер: с неба долетел знакомый звук. Рокот летящего вертолета. Кино! Да что они, Змеевы дети, рехнулись? Куда их несет в такую рань? Он бросился было к мотоциклу — и остановился, задрал голову, следя за растущей на глазах машиной. Кино летело не в Замок — оно направлялось сюда.

Что за притча? Никогда прежде кино не занималось Лоцманом, Режиссер его как будто не замечал и не общался ни разу, кроме вчерашней стычки. Что им сегодня понадобилось?

«Ингмар! — снова попробовал он докричаться. — Рафаэль!»

В ответ пришло ощущение горечи, злости и гнева.

Тысяча Змеев, чего ради сюда явилось кино?

Серая машина наполнила небо гулом и воем, со скальной стены посыпались мелкие камешки. Вертолет опустился, вздымая ветер, от которого пласталась по земле трава. За стеклом кабины Лоцман различил пилота в форменной куртке и шлеме. Затем открылась дверь салона, наземь спрыгнули двое в желто-коричневых камуфляжных костюмах, с автоматами на груди, и с решительным видом зашагали к Лоцману. Мощное сложение, упругая походка, тяжелые туповатые морды. Это не

кино.

Охранитель мира прижался спиной к гладкому камню. Автоматчики остановились рядом, один повел стволом к вертолету: мол, двигай в машину. Лоцман не тронулся с места. Ствол другого автомата ткнул его в бок, попытался отделить от стены. Он отодвинулся, не желая сразу лезть в драку.

— Какого Змея вам надо?

— Упрямая сволочь, — пробурчал первый солдат.

У него когда-то был сломан и свернут на сторону нос, а шрам на лбу перекошил брови — одна оказалась выше другой. У второго брови срослись в линию, нависали над глазами мохнатым козырьком; глаза из-под этого козырька смотрели с гаденьким самодовольством.

— Что вам надо?

— Не понимает, — сообщил кривоносый напарнику.

— Двинь прикладом — сразу сообразит, — посоветовал мохнобровый. Голос оказался как будто не его — неожиданно мягкий и звучный, словно ему приделали чужой, отняв, к примеру, у пилота.

Лоцман глянул на фонарь кабины. Вертолетчик делал рукой загребаящие движения: прекрати, мол, кочевряжиться и ступай, куда

велено. Охранитель мира помотал головой: не хочу, с какой стати? Пилот покрутил пальцем у виска. Лоцман развел руками — что поделаешь? — на что летчик закатил глаза и схватился за голову: ох, что бу-удет!

Разговор глухонемых начал его забавлять, но беседу прервала оглушительная затрещина. Лоцман едва устоял на ногах; отпрянул, сжимая кулаки.

— Не доходит, — объявил кривоносый. — Невдомек, что того и жди еще огребет.

— А вот добавлю, — посулил второй своим мягким звучным голосом, — враз допрет, как миленький. — Глаза под козырьком бровей недобро уставились на охранителя мира. — Как думаешь, сам пойдет или волочить придется?

Солдаты упорно не желали обращаться к нему напрямую: ни команды «Руки за голову!», ни рыка «Пошел!». Только брошенные друг дружке реплики да мордобой.

Пилот в кабине изобразил, будто дубасит кого-то палкой, затем просительно прижал руку к сердцу, другой рукой указывая себе за спину, на салон вертолета. «Приятель, тебя изувечат, — расшифровал Лоцман, — подчинись». Голова гудела от оплеушины.

Его охватила ярость. Ну, берегитесь — я вам покажу, кто тут хозяин! Он выпрямился, глубоко вдохнул, до боли напряг мускулы. Горы за спиной

дрогнули. Раздался ужасающий треск, тяжелый гул и грохот: камни рвались, сдвигались, обваливались, сотрясая землю под ногами, клубясь пылью, разбрызгивая осколки. Напружинившись всем телом, задержав дыхание до темноты в глазах, охранитель мира рушил стены мира, стоя под внушительной защитой катаклизма.

Автоматчики живо порскнули к вертолету, прыгнули в салон. Лоцман хотел прогнать их вовсе, заставить улететь, однако поднятый им смерч бессильно кружился, танцевал вокруг машины и не мог ее захватить.

Сил больше нет. Он расслабился, выдохнул. Земля норовила уйти из-под ног. Похоже, Лоцману с ними не совладать. Это сторонняя сила, над которой охранитель мира не властен.

Он бросил взгляд через плечо. Туннель стал шире, по стене с хрустом разбежались все новые трещины, однако вход в иномирье по-прежнему был слишком высоко, чтобы забраться. Выскочившие из салона автоматчики с непостижимой, противоестественной быстротой очутились рядом, рванули за руки, отшвырнули от стены. Лоцман оступился на обломках, упал, расшиб колено. Его подняли и толчком приклада поторопили к вертолету. Охранитель мира подчинился; хромая, морщась от боли, он пробирался по каменному месиву, сквозь

оседающую пыль. Замешкался, выбирая, куда поставить больную ногу, и получил новый тычок между лопаток, от которого растянулся во весь рост. Не сдержал стона, напоровшись на острый обломок.

— А ну отвали, вояки хреновы! — заорал пилот, выпрыгивая из кабины. — Это же *Лоцман*, вертлюг вам в задницу!

Он подбежал к охранителю мира, поднял его, обхватил за пояс и поволок к вертолету.

— Осатанели; дорвались! — цедил он сквозь зубы. — Лоцмана готовы пришибить... только дай волю...

— Что им надо? — спросил Лоцман, но дружелюбный, участливый парень продолжал честить солдат, точно не слышал вопроса.

Он посадил охранителя мира в салон, следом ввалились автоматчики, загроздили тесное помещение. Лоцмана бросили в кресло, пристегнули ремнями, и сами уселись: один рядом, другой позади — начеку, с автоматами на коленях. Взвыл двигатель, машина завибрировала. На глаза попался мотоцикл: верный «дракон» беспомощно валялся на боку, придавленный каменным обломком.

Вертолет подпрыгнул в воздух, повернулся, набрал высоту и пошел напрямиком к Поющему Замку. Солдаты заворчали, зашевелились, но пилот

прикрикнул на них по интеркому, и они утихли. Лоцман положил голову на жесткий подголовник, прикрыл глаза. Под веки будто песку насыпали, пересохшее горло саднило. Надо постараться прийти в себя, накопить силы.

Вертолет начал разворачиваться. Лоцман уставился в окно. Рокочущая машина делала круг над Замком, а на Львиной галерее, самой верхней из галерей дворца, стояли четверо актеров, следили за вертолетом кино, прибывшем без Режиссера и операторов, но с пленником на борту. Лоцман прильнул к стеклу, хотя в тело впились ремни, закивал головой. Актеры прянули назад, точно в испуге. Эстелла всплеснула руками и бросилась Ингмару на грудь, Лусия опустила голову, спрятала лицо в ладонях.

«Инг, Рафаэль!» — мысленно окликнул охранитель мира, но они больше не смотрели вверх: северянин гладил по спине плачущую Эстеллу, виконт обнимал за плечи Лусию.

Пилот продолжал облет Замка. У Лоцмана екнуло сердце: на крошечном потаенном балкончике он заметил зеленое платье Хозяйки. Женщина в полумаске вскинула к небу руки, словно желая оторваться от балкона и взлететь, затем прикрыла ладонью рот, то ли скрывая дрожь губ, то ли заставляя себя молчать. Мне дали попрощаться, понял Лоцман и рванулся, думая

вскочить и обрушиться на конвоиров. Ремни выдержали, а удар свинцового кулака припечатал его к спинке кресла. Он со стоном выругался.

Внизу, под стенами дворца, блеснуло серебро, зашевелилась, вспучиваясь, земля. Серебряный Змей. Чудовище выползло на свет, являло миру громаду своего тела. И где только он умещался, махина этакая, мелькнуло у Лоцмана в голове. Змей заполонил внутренний двор, вытянул шею, расправил крылья — они поднялись выше стен Замка — раскрыл пасть, издавая рев, который охранитель мира расслышал даже сквозь шум двигателя и винта, и неторопливо, метр за метром, выпростал огромное туловище из плена замковых стен. Затем он устремился в погоню. Лоцман вывернул шею и изогнулся, наблюдая, как сверкающий исполин нагоняет вертолет.

Змей летит сражаться! Тупая тварь, изо дня в день терзавшая Эстеллу и Лусию, желает вступить за охранителя мира. Сейчас нам мало не покажется, подумал Лоцман; Змей разнесет все в клочья.

Однако воздушный бой не состоялся. Юркий вертолет в умелых руках заложил несколько виражей, сбив тугодума с толку, прибавил скорость и играючи ушел от преследования. Замок уменьшался, превращаясь в белую игрушку на зеленом ковре. Лоцман прикусил губу. Неужто ему

больше не видать ни светлых лестниц и галерей дворца, ни актеров, ни красавицы в полумаске?

«Хозяйка!» — позвал он с надеждой. Услышать бы ее, проститься, сказать, что всегда будет помнить.

Молчание.

Вертолет вошел в слепящий свет, вонзился в пылающее солнце. Лоцман зажмурился, согнулся в попытке дотянуться до лица схваченными ремнем руками, прикрыть глаза от лютого сияния. Рядом свирепо ругались автоматчики. Внезапно стало темно; Лоцман долго не мог проморгаться и сообразить, что стекла закрыты щитками, а в салоне теплится аварийное освещение. Потом щитки убрались, в салон хлынул дневной свет — и это был свет совсем другого мира.

Глава 4

Шоссейные дороги делили вытянутый в длину город на шесть прямоугольников. Центром каждого прямоугольника была вертолетная площадка, где стояли серые машины с бело-зелеными полосами, вокруг плотно теснились ангары и россыпью лежали разноцветные одно- и двухэтажные дома. Вертолетные площадки были наполовину пусты, и виднелись оранжевые кресты разметки.

Прильнувший к окну Лоцман высмотрел

фигурки людей: желто-коричневые, как сидящие рядом солдаты, синие, как пилот вертолета, и еще три-четыре других цвета. Свободные от съемок операторы, предположил он. То бишь это база кино, и отсюда оно разлетается по другим мирам. Но экая прорва тех миров — вон сколько вертолетов для них приготовлено. Лоцман пригляделся к близкой, сразу за крайними домами, границе мира. Здесь не было гор, как вокруг Поющего Замка, а от земли до неба стоял стеной, клубился и сам в себя перетекал сизый туман.

Вертолет пролетел над двумя площадками, опустился на третью. Машин здесь было негусто. Летчик заглушил двигатель; на миг показалось, будто после непрерывного рокота настала полная тишина. Кривоносый автоматчик отстегнул стягивающие Лоцмана ремни, поднял его из кресла и толкнул к двери. Лоцман налетел расшибленным коленом на угол кресла, охнул.

Громила с мохнатым козырьком бровей первым спрыгнул на землю. Охранитель мира стал потихоньку спускаться, оберегая ногу и одновременно вслушиваясь в чрезвычайно насыщенное, плотное информационное поле. Это вам не скудные сведения, разлитые в атмосфере Поющего Замка, которые и выловишь-то с трудом. Здесь они роятся и буквально сами лезут в голову.

— Наддай ему, чтоб пошевеливался, —

буркнул мохнобровый, наблюдая за Лоцманом. Мягкий голос солдата обрел хрустящую хрипотцу.

Кривоносый охотно последовал совету, пнул пленника в спину, хотя Лоцман уже стоял на земле. Больная нога подломилась; охранитель мира уцепился за порожек двери. Выпрямился, с холодной яростью поглядел в налитые неприязнью лица.

— Как думаешь, этого добра еще много осталось? — поинтересовался мохнобровый у напарника.

— На наш век хватит, — кривоносый спрыгнул из салона наземь и захлопнул дверь. — Ловить их — не переловить.

— Шакалы вы бешеные, — проворчал вылезший из кабины пилот. — Развелось нечисти — машину некуда сажать.

— Объясни этой падали, чтобы шел! — заорал летчику кривоносый и сам «объяснил» Лоцману прикладом по спине.

Охранитель мира сделал шажок, другой — и, развернувшись, что было сил сунул автоматчику в живот кулаком. Солдат хрюкнул и согнулся, затем распрямился, тягуче застонал, готовясь обрушить Лоцману на голову приклад автомата — но в последний миг удержался, опустил руку. Мохнобровый стоял в стороне, задумчиво двигая нижней челюстью. Поразмыслив, дал дельный

совет:

— Оставь его, от греха. Еще огребешь неприятностей...

— Вот точно, — подтвердил летчик. — Заделается офицером — ласку вам припомнит.

Лоцман только сейчас заметил, что парень оставил свой шлем в кабине; без шлема лицо оказалось совсем юным — словно подросток из озорства натянул летную форму старшего брата. Однако выражение этого лица было не по-юношески умудренным и горьким — как будто невинное озорство вышло мальчишке боком и он до сих пор не выпутался из переплета, в который угодил.

Летчик взял пленника под руку и повел между вертолетов, принаравливаясь к его хромящей походке. При каждом шаге колено Лоцмана простреливало болью, и ныла огретая автоматом спина.

— Вот еще выдумали — Лоцманов калечить, — угрюмо пробурчал пилот. — И так скоро ни одного не останется.

— Чего от меня хотят? — осведомился охранитель мира, слушая солдатскую поступь за спиной.

Пилот не отрывал взгляда от асфальтового покрытия под ногами. Не положено разговаривать с пленными, и все тут. Летчик сказал, Лоцман может

сделаться армейским офицером. С чего бы это?

Он сосредоточился, желая поймать сведения о судьбе других отловленных Лоцманов, но информации о них не оказалось. Он доподлинно выяснил все о специалистах по проводке судов и о морской рыбке, сопровождающей в плавании акул и корабли, — однако не сыскал ни малейшего намека на отвечающих за киносъёмки охранителей миров. Можно подумать, Лоцманов нет в природе. Надо же, такое насыщенное поле — и ущербно... Проклятая нога, до того донимает — оторвал бы ее да выбросил. И Змей его знает, сколько еще ковылять.

— У тебя есть что-нибудь унять боль? — спросил он у летчика.

Парень ошарашенно глянул, как будто охранитель мира сморозил невероятную чушь. Затем спохватился, что-то сообразил. Глазами указал на солнце, потом пленнику на ноги. Искоса глянул: дошло?

Лоцман непонимающе качнул головой и попытался сотворить целительное снадобье. Сунул руку в карман, сосредоточил волю на кончиках пальцев. Ощутить круглую гладкую таблетку — одну таблетку, круглую, гладкую, твердую... ну же... ну!.. Не удалось — то ли не хватило сил, то ли в мире кино Лоцман не в состоянии творить.

По краю площадки брели двое в синей летной

форме — такие же безусые юнцы, что и вертолетчик Лоцмана. Вот они заметили пленника, остановились и стали ждать, когда он доплетется со своим конвоем. Пилоты оказались похожи не только молодостью — все трое на вид были отменного здоровья, кровь с молоком; темноволосые и темноглазые, с правильными чертами лица и чем-то неуловимо романтическим во всем облике: как будто их взяли из наивного и поэтического фильма о курсантах летного училища. А солдаты из иной картины: из жесткого боевика. Да и киношные курсанты, изрядно побитые реальной жизнью, подрастеряли романтику и поэзию поднебесья.

— Очередного сцапали? — заговорил пилот, который не то чтобы казался старше, а как будто повидал на своем веку поболее товарища. Изучающий взгляд темных глаз обшарил двоих солдат и пилота, задержался на пленнике, сделался сочувственным. Лоцману подумалось, что если бы он рванулся бежать, этот парень его прикрыл бы. Пускаться наутек не было сил, потому что зверски болела нога.

— Скоро всех подчистую изведут, — хмуро заметил второй летчик.

Охранитель мира остановился. Пилот дернул его, желая увести, но он уперся.

— Зачем сюда свозят Лоцманов?

Чувствительный удар прикладом по загривку.

— Полегче, ты! — рявкнул летчик, который открыто сочувствовал пленнику. И промолвил, глядя в сторону, как будто ни к кому не обращаясь: — Лоцманы здесь умирают.

Утешительно, нечего сказать. Все же летчик заговорил с ним, нарушив запрет, и охранитель мира был ему благодарен. Он тронулся с места, подчиняясь своему пилоту, и услышал за спиной:

— Сволочи. Не успели привезти, а уже покалечили.

И затем — хрусткий звук удара и вскрик. Лоцман и его летчик обернулись. Кривоносый солдат опускал автомат, а нарушивший запрет пилот оседал на землю, держась за плечо.

— Будешь трепаться с Лоцманами!

Двое оставшихся вертолетчиков придвинулись — безоружные мальчишки против вооруженных громил. Солдаты ухмыльнулись, предвкушая забаву.

Лоцман позабыл про больную ногу — боль исчезла из сознания, как не бывало. С холодной, расчетливой яростью он кинулся на кривоносого, подсек, пользуясь внезапностью атаки. Тренированный солдат перекатился, норовя зацепить за ногу, но Лоцман оказался проворней. Ударом по бицепсу обездвижил сжимавшую автомат руку, выхватил оружие, увернулся от

мохнобрового и пустился бежать, интуитивно пригнувшись и ныряя из стороны в сторону.

Выстрелов в спину не было. Он на бегу оглянулся — летчики схватились с мохнобровым, обезоружили. Не такие уж мальчишки, отметил Лоцман и прибавил ходу — кривоносый летел за ним во весь дух.

Здорово, что разжился автоматом. В жизни не доводилось стрелять, но прикладом сподручно оглушить врага, да и примкнутый штык-нож — отличная штука. Лоцман метнулся в проход между ангарами, промчался по узкому коридору, вылетел на открытое место, сшиб кого-то — раздался вопль и брань пополам со смехом — шмыгнул за составленные друг на дружку бочки, перемахнул через живую изгородь, опять нырнул в какой-то проход, пронесся по нему и с разгону уперся в стену. Тупик.

Стена была кирпичная, высокая — не перелезешь. Лоцман обернулся, сжимая в руках автомат, угрожая штык-ножом. Однако проход был пуст, за беглецом никто не гнался; возможно, сбитый с ног незнакомец, добрая душа, указал солдату неверное направление. Беззвучно ступая, Лоцман выскользнул из тупика, прокрался вдоль стены длинного строения с зашторенными окнами, завернул за угол — и нос к носу столкнулся с человеком, который как раз переступал порог

открывшейся двери.

— Стоять, — охранитель мира нацелил штык ему в живот.

— Ах, вот вы где... — одновременно сказал незнакомец и с удивлением поглядел на трофейный автомат. — Ну что вы, право? Бросьте, — он отстранился, и Лоцман ему позволил, доверясь ровному благожелательному тону.

Незнакомец был одет в мятый мундир, немолодое лицо тоже казалось измятым, даже изжеванным — под блеклыми глазами набрякли темные мешки, а желтоватые щеки и подбородок испещрили впадинки, словно какой-то зверь попробовал человека на зуб, но не соблазнился съесть.

— Господин Лоцман, прошу вас, — помятый незнакомец указал на дверь, из которой вышел.

На ней висела строгая табличка «Посторонним вход воспрещен», а выше крупными буквами белело слово, смысл которого Лоцман никак не мог осознать — не удавалось сосредоточиться и выловить из роящейся в воздухе информации нужные сведения — однако слово ему не нравилось. Пронзительной болью напомнило о себе колено; он скривился, перенес тяжесть тела на здоровую ногу.

— Что такое? — нахмурился незнакомец. — Вас били? Солдаты, конечно, — произнес он

утвердительно, как человек, осведомленный об отношении автоматчиков к Лоцманам. — Я прослежу, чтобы виновные понесли наказание, — сухо пообещал он и наконец представился: — Комендант Кинолетного города. Пройдемте, — снова предложил он и добавил с ноткой терпеливой усталости: — У меня не так много времени.

АУКЦИОН — белело на двери загадочное слово. Комендант проследил взгляд Лоцмана.

— На это не смотрите — продажа осуществляется не здесь. Мы только выполняем необходимые формальности. Входите же, — он открыл дверь.

Охранитель мира попятился, невольно положив палец на спусковой крючок. Длинный коридор с двумя рядами дверей, с матовыми лампами на потолке, дышал неясной угрозой. Расшибленное колено подогнулось; охнув, Лоцман едва не выронил автомат и схватился за стену. Комендант с вежливой непреклонностью забрал оружие:

— Будьте любезны; это вам не понадобится.

Окаянная нога до того разболелась, что противиться дальше не было сил. Лоцман почувствовал себя побежденным.

— Здесь найдется врач?

— Вам не понадобится, — комендант улыбнулся. Улыбка на изжеванном лице показалась

натянутой и лишней. — Идите за мной.

Держа автомат вниз стволом, он зашагал по коридору. В тоне и походке было столько уверенности, что Лоцман беспрекословно двинулся следом — точнее, заковылял, опираясь ладонью о стену.

Матовые лампы оказались забраны металлической сеткой; на дверях были набиты таблички. «Лестница в поднебесье», «Крадущийся мрак», «Любовь веселого демона», «Охотник с острова Ночи», — читал Лоцман. На многих дверях таблички крепились одна под другой, образуя изрядные скопления. Было тихо, как в очень серьезном учреждении, лишь из-за двери с единственной табличкой «Леди Звездного Дождя» доносился женский плач — негромкие жалостные всхлипы.

— Ну отдай, а? Отда-ай... — разобрал Лоцман.

Комендант отворил соседнюю дверь и отступил, приглашая войти.

— Прошу вас; это не займет много времени.

«Пленники Поющего Замка», — гласила табличка, набитая под столбиком из четырех других. Лоцман скользнул взглядом по названиям — «Конвой глубокого космоса», «Двойник», «Космические волки», «Последний дарханец». Так и есть — когда-то «Дарханец» был его миром.

Стоя у порога комнаты — своей комнаты! — Лоцман чувствовал себя так, словно его собирались ввести в тюремную камеру. Или даже хуже — в мертвецкую.

— Будьте благоразумны, — голос коменданта заглодел. — Входите; иначе вас заведут. Уверяю, вам нечего опасаться.

Стараясь поменьше хромать, он вошел. Комната оказалась странной, как будто в ней совместились частицы двух разных миров. Стены были оклеены обоями «под мрамор», окно закрыто шторами с рисунком из верблюдов и пальм, у окна — стол с приборами в светло-серых корпусах, рабочее кресло. Стеллажи с книгами и с коллекцией безделушек: вазочки, фигурки животных, корзинки с сухими цветами; диван с покрывалом из искусственного рыже-черно-белого меха, середина комнаты застелена ковром. Возле дивана была дверь — но чувствовалось, что ее невозможно открыть, как будто в цельной стене вырезали рельеф и покрасили краской. Это был один мир: женская опрятная комната.

Завоевателями, вторгшимися в чужую жизнь, казались стоящий на середине комнаты чиновничий письменный стол с двумя креслами — одно для хозяина, другое для посетителя — и большой неуклюжий сейф. К сейфу была придвинута потерянная банкетка, на которой сидел надуленный

охранник в камуфляже.

— Садитесь. — Комендант приставил автомат к сейфу, обошел стол и уселся в кресло. И разительным образом переменялся, приобретая солидный вид крупного военного чина: мундир сам собой разгладился, манжеты посвежели, жеваная кожа на щеках натянулась, впадинки на ней почти исчезли. — Садитесь же! — повторил он настойчиво. — Ноге сразу станет легче.

Солдат перевел на Лоцмана тусклые, как будто зачехленные, глаза и шевельнул кистью, указав на свободное кресло. Стоять было тяжело, однако сесть не позволял внутренний сторож, чувший какую-то ловушку.

— Отдай. Ну пожалуйста! — скулили в соседней комнате.

— Усадите, — безразличным голосом распорядился комендант.

Молниеносный бросок — и Лоцман рухнул на пол, схватившись за разорванную в колене ногу, пытаясь приставить, приживить оторванную часть. Потом он слышал собственный крик и замолчал. Нога оказалась на месте, но колено превратилось в раскаленный пульсирующий шар. Солдат постоял рядом, наблюдая, как дергается охранитель мира, затем схватил его подмышки и перенес в кресло, а сам вернулся на банкетку. Плюхнулся на нее и застыл, полуприкрыв глаза.

Лоцман перевел дух. Сперва казалось, будто кресло обваливается в пропасть; затем возникло чувство парения, стало удивительно легко и свободно, захотелось чуть ли не петь. Боль исчезла. Он недоверчиво ощупал колено. Тут оно, родное, под штаниной — однако утратило всякую чувствительность.

— А вы не верили, — заметил комендант с наигранным укором. — Я ведь обещал, что будет лучше. Но — к делу, — добавил он будничным тоном, вынул из стола и положил перед Лоцманом лист бумаги с плотным текстом. — Распишитесь.

— Ну отдай! — всхлипывала женщина за стеной. — Прошу же. А? Отдай...

Заметив, что Лоцман прислушивается, комендант сердито пожевал губами; кожа на лице вновь стала дряблой, со следами зубов неведомого зверя.

— Приношу извинения за шум, — процедил он с видом уязвленной гордости. Видимо, не в его власти было утихомирить плакальщицу. — Вот, — он выложил на стол авторучку с золотым пером. — Расписывайтесь.

Лоцман стал читать документ. Сверху значилось: ОБЯЗАТЕЛЬСТВО, а дальше шло нечто вопиющее, невозможное.

«Я, Лоцман „Пленников Поющего Замка“, отказываюсь от прежней концепции съемок и

считаю свое участие в них ненужным и нежелательным. Я отрекаюсь от права изменять мир и беру на себя обязательство не вмешиваться в ход событий, какой бы оборот они ни принимали...»

Не дочитав, он поднял глаза. Комендант Кинолетного города со скучающим видом смотрел в потолок.

— Я это не подпишу.

Комендант вздохнул и свел кончики пальцев, готовясь к утомительной и неинтересной беседе. Заговорил, опустив отяжелевшие веки, повторяя наизусть затверженные фразы:

— Я объясню положение. Ваша Богиня от вас отказалась. Мы не в силах предоставить вам с ней встречу, так что не просите — бесполезно. Однако поверьте: она от вас отреклась, поэтому вы более не являетесь ее представителем в мире... э... Поющего Замка. — Он запнулся, так как Поющий Замок выпадал из ряда неоднократно повторенного. — Вы ей больше не нужны.

— Как это не нужен? — Лоцман не успел осознать услышанное. — На съемках необходим глаз да глаз... То Режиссер вздумает какую-нибудь глупость, то актеры ошибутся. Чего только не случается!

— Господин Лоцман, — комендант улыбнулся доброй, усталой и невыносимо

фальшивой улыбкой, — отныне это не ваша забота. Богиня Поющего Замка сняла с вас обязательства по отношению к миру и актерам. Они будут играть без вас. Поставьте подпись, и закончим наш разговор.

— Это предательство, — решительно объявил охранитель мира. — Я на такое не пойду. — Сказал и сам ощутил, как неуместны в странной комнате со стальным сейфом и охранником на банкетке понятия предательства, верности, чести. — Заберите свою бумажку, — он оттолкнул ОБЯЗАТЕЛЬСТВО.

— Это не бумажка, а серьезный документ, — возразил комендант скрипучим голосом. — Никто не выходит отсюда, не подписав.

— Я скорей сдохну! Это же мой смертный приговор. На кой ляд нужен отказавшийся от съемок Лоцман?

— А на что годен Лоцман, от которого отказалась Богиня? У вас нет выбора, милейший: вы так и так не у дел.

Он остыл, пораскинул умом. Видать, не зря он, в отличие от актеров, не жаловал свою Богиню. Удумать же надо: съемки без охранителя мира! Да еще это паскудное ОБЯЗАТЕЛЬСТВО, которое и читать-то — себя не уважать, не то что подписывать.

— Я не нарушу свой долг, — сказал он, глядя

коменданту в глаза.

Тот не выдержал взгляда, потупился.

— У вас больше нет долга перед Богиней. Создательница мира освобождает вас...

— А мои актеры, Замок?

— Бросьте. Отныне вы ни за что не отвечаете.

— Допустим. Тогда объясните, из каких соображений Богиня, как вы говорите, отреклась.

Комендант отрицательно покачал головой.

— Этого я вам не скажу. Не имею права.

Лоцман потер многострадальное колено, ощупал его сквозь ткань. Не болит, однако сильно распухло. Чудесное кресло унимает боль, но не занимается лечением. Комендант как будто прочел его мысли, услужливо подсказал:

— Уйти отсюда, не подписав документ, — верный способ остаться без ноги.

— Я хотел бы поговорить с Хозяйкой Поющего Замка, — учтиво попросил Лоцман.

В блеклых глазах коменданта мелькнуло удивление.

— Вы знакомы с Хозяйкой? — Он подумал; желание отказать боролось с желанием решить дело полюбовно и выполнить просьбу. В конце концов он кивнул, ткнул кнопку на переговорном устройстве: — Передатчик дальней связи.

— Ну миленький, ну отдай, а? — снова заныли за стеной. — А я тебе тогда — вот. Хочешь?

В ответ прогудел глубокий бас:

— На... ты мне сдалась? Вали к своим вшивым Лоцманам, под них и стелись.

Комендант покривился.

— Вот наказание!

— Я хочу выйти в туалет, — заявил охранитель мира, подымаясь из кресла. — Ох! — он чуть не сунулся лицом в край столешницы — такая боль взорвалась в колене.

Вскочивший охранник поддержал его.

— Поставьте сначала подпись, — отечески посоветовал комендант.

— Хотите, чтоб у вас на глазах произошла неприятность? — Лоцман изобразил нахальную улыбку.

— Отведите, — махнул рукой комендант.

До двери добрались еле-еле — Лоцман хромал и стонал при каждом шаге. Перевалили порог. Дверь закрылась. Охранитель мира вывернулся из рук потерявшего бдительность охранника и метнулся к двери с табличкой «Леди Звездного Дождя», крутанул рукоять, толкнул. С обтерханной банкетки на него уставились сидевшие рядом солдат в камуфляже и нечесаная девица в замызганном платье, с покрасневшим опухшим лицом. Вокруг них стояла дорогая мебель светлого дерева, и стены были обиты бежевым атласом.

— Чего надо? — прогудел солдат своим

неподражаемым басом.

— Что вы просите отдать? — вцепившись в косяк, спросил Лоцман у девицы.

— А ну пошел, — охранник пытался тащить его вон. Впрочем, старался он больше для виду — приложи удалец всю свою силу и сноровку, Лоцман в два счета оказался бы в коридоре.

— Документ прошу, — объяснила замарашка. — ОБЯЗАТЕЛЬСТВО. В сейфе держат, — она кивнула на шкаф, нелепо громоздящийся посреди изящно обставленной комнаты. — А ты подписал?

— Нет.

— Давай, двигай, — охранник оторвал Лоцмана от косяка и захлопнул дверь.

Девица тут же распахнула ее и высунула лохматую голову.

— Не подписывай! — заголосила она, в то время как охранник волок охранителя мира по коридору. — Миленький, резать будут — не подписывай! Я тоже Лоцманкой была; не подписывай! — Она еще долго вопила — он слышал захлебывающийся крик сквозь дверь туалета. Затем коротко прогудел солдатский бас, и бывшая Лоцманка утихла.

В кабинке Лоцман осмотрел больную ногу. От вида распухшего, сине-лилового колена становилось жутко. Он донельзя устал от боли, и

хотелось плюнуть на все, зажмуриться и подписать проклятый документ. Хоть нога перестанет донимать...

Ну уж нет. Пусть Богиня от него отреклась — но Лоцман не отречется от своих актеров: бесстрашного Ингмара, заботливой Эстеллы, великодушного Рафаэля, очаровательной стеснительной Лусии... и Хозяйки. Особенно Хозяйки. Разве можно отказаться от красавицы в полумаске, которая взбудоражила все его существо?

Он возвратился в комнату с табличкой «Пленники Поющего Замка». Сердце колотилось где-то в горле, на глазах выступили слезы. Благословенное кресло было развернуто боком, поджидало измученного хозяина. Хоть бы на минуту избавиться от боли, передохнуть... Лоцман обессиленно повалился на сидение.

— А-у! — Словно кто намотал на пальцы обнаженные жилы и дернул. Анестезия не сработала — установку отключили. За что?! Это несправедливо, я не заслужил, вы мне обещали... Охранитель мира взял себя в руки. Ему никто ничего не обещал.

Комендант цепким взглядом ощупал его лицо.

— Вижу, вам несладко. Еще не готовы подписать? Нет? Извольте, можете говорить с вашей Хозяйкой, — он подвинул через стол прибор

в черном пластмассовом корпусе.

Лоцман взял прибор в руки, постарался, чтобы голос звучал ровно и приветливо:

— Хозяюшка?

— Лоцман... — донесся шелест, в котором он едва признал ее нежный голос.

Екнуло сердце, боль в колене чуть притихла.

— Послушай, Ингмар говорил, будто ты — второе «Я» нашей Богини. Я подумал: может, знаешь... Меня уверяют, будто Богиня от нас отказалась. Это правда?

Хозяйка помолчала, затем отозвалась еле слышно:

— Богиня продала тебя — не нас, а тебя. Не хотела, но он настоял.

— Кто — он? Итель?

— Итель? — переспросила она. — Ну да, он самый. Платит пять тысяч долларов.

Лоцман сосредоточился и уловил знание о том, что такое доллары и как ими платят. И усмехнулся.

— Пять тысяч долларов — не маловато ли за Лоцмана?

— Мало, — всхлипнул передатчик. — Но она согласилась. Ей деньги нужнее, чем ты. — Хозяйка вдруг закричала: — Мальчик мой, чудесный, волшебный — прощай! Ты был очень хорошим Лоцманом... — Крик оборвался: комендант

выхватил у охранителя мира и выключил прибор.

— Вы удовлетворены?

— Вполне.

«Был хорошим Лоцманом». Вот как: «Был». И вертолетчик, которому солдат раздробил плечо автоматом, говорил: «Лоцманы здесь умирают».

Он взял со стола ОБЯЗАТЕЛЬСТВО, глянул в конец текста. Строчки прыгали перед глазами. «Обязуюсь не чинить Богине препятствий в исполнении ее замыслов и сотворении еще не рожденных миров». Тысяча Змеев, провались треклятое колено! Я сейчас взвою.

— Ставьте подпись, и делу конец, — комендант вновь протянул авторучку. Золотое перышко расплывалось, дрожало желтым огоньком.

Лоцман стиснул руками голову, проморгался. В конце концов боль его добьет, рано или поздно он сломается.

— Подписывайте, — утомленно повторил комендант. — Поймите: это пустая формальность, на самом деле все решено без вас.

— Я не продаюсь за пять тысяч долларов.

Комендант раздраженно хлопнул дорогой авторучкой о стол.

— Ваше упрямство ничего не изменит. В любом случае вы — проданный Лоцман. Ставьте подпись! — заорал он и ахнул кулаком по столешнице.

Ручка покати­лась к краю. Лоцман смахнул ее на пол и сам рывкнул:

— Не поставлю! — В глазах темнело, все вокруг качалось и плыло.

Комендант вскочил на ноги, перегнулся через стол, навис над охранителем мира и проорал:

— Ставь подпись, не то плясать заставлю!

Капли брызнувшей слюны попали на лицо, Лоцман брезгливо утерся.

— Па­даль вонючая! Я тебя...

Лоцман влепил ему пощечину. Взвился и почти вслепую толкнул коменданта, опрокинул в кресло.

Подсечка. Он вмазался лбом в столешницу, ухватился за угол стола, повис, спас колено от удара об пол. Сокрушительный удар в шею. Лоцман обмяк, свалился охраннику под ноги. Тяжелый башмак наступил на истекающее болью, сводящее с ума колено. Лоцман закусил губу.

— Подпишите документ, — отчетливо выговаривая каждый слог, произнес комендант.

Охранитель мира мотнул головой, крепче стиснул зубы. Ощутил во рту кровь. Башмак сильней прижал ногу.

— Вы обязаны исполнить свой долг до конца и подписать ОБЯЗАТЕЛЬСТВО.

Он повернул голову, пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь пелену в глазах. А ведь это не

охранник жмет — сам комендант топчется на живом человеке. Лоцман приподнялся, упираясь в пол ладонями. Разжал зубы. Вытолкнул хриплые, непослушные звуки:

— Не подпишу. — Дальнейшее вырвалось само, чуть ли не помимо воли: — Клянусь «Последним дарханцем».

Он уронил голову и закрыл глаза. Делайте что хотите — моей подписи под ОБЯЗАТЕЛЬСТВОМ не будет.

Ботинок убрался с колена. Жесткий ворс ковра захрустел, отзываясь на шаги, — комендант повернулся к столу.

— Что там с «Последним дарханцем»? — Вопрос явно относился не к Лоцману. — Проверьте. — Пауза. — Так... Ах вот оно что... Спасибо. — Долгое молчание. — Поднимите.

Охранник усадил Лоцмана в кресло. Его тусклые глаза обрели блеск, точно с них сняли чехлы, и светились любопытством. Комендант возвышался у стола — внушительный, как подобает большому начальнику — но кожа на щеках начала дрябнуть, обвисать, лицо изъели нездоровые рытвинки. Он глядел на Лоцмана так, словно тот был фургоном, везущим ценный груз, — фургоном, который сломался и застопорил движение на трассе: и не объедешь, и в кювет не столкнешь.

— Ладно, — решил он, — обойдемся без

вашей подписи. Как я уже говорил, это пустая формальность. — Он подвинул к себе лист с **ОБЯЗАТЕЛЬСТВОМ** и сам подмахнул его вместо охранителя мира.

— Ваша бумажка не имеет силы. Здесь стоит «Лоцман Поющего Замка», а я еще и Лоцман Последнего Дарханца.

— Вы наглец, — обрезал комендант. — Учтите: при малейшем нарушении порядка я вас отправлю... — он не договорил, куда отправит нарушителя, открыл сейф — пустой, разглядел Лоцман — сунул на полку **ОБЯЗАТЕЛЬСТВО** и захлопнул дверцу. Щелкнул закрывшийся замок. — В армию я вас не допущу, стимулятор не получите. Свободны. Уведите, — бросил комендант охраннику и размашистым, сердитым шагом покинул кабинет.

— Ну, даешь, парень, — пробурчал солдат, поднимая Лоцмана с кресла. — Да не трепыхайся, колченогий, — донесу. — Он выволок охранителя мира из дома, поставил на крыльце. — Ишь, прикрылся старым фильмом! Додумался же... — Он исчез за дверью с надписью **АУКЦИОН**.

Лоцман привалился к стене. Боль простреливала ногу от колена до бедра. О каком нарушении порядка толковал комендант? Я шагу ступить не могу, не то что устроить дебош.

Охранник возвратился с обыкновенной,

несколько облезлой шваброй. Щетку он сорвал и выбросил, а палку вручил Лоцману:

— Держи. Пойдешь прямо, до большака, потом направо. Там найдешь своих.

— Понял. Со мной теперь позволено разговаривать?

— С тобой теперь все позволено, — ответил солдат. — Ты — мертвый Лоцман. — Хлопнула дверь, и охранитель мира остался один.

Он долго не решался спуститься с крыльца. Затем кое-как сполз, неловко ступил — и плюхнулся на ступеньку, едва подавив крик. Уму непостижимо, как можно терпеть такую боль. Комендант сулил — коли не подмахну бумажонку, останусь без ноги. Ну и Змей с ним. Вспомнить только, как кричала несчастная замарашка, заклинала не подписывать, — мороз по коже. Видать, она-то в свое время покорилась, а теперь канючит бумажку, умоляет вернуть...

И все прочат мне смерть. Как долго умирает Лоцман, не подписавший ОБЯЗАТЕЛЬСТВО? Комендант, конечно, врал насчет пустой формальности — на деле это, должно быть, очень важно. Но он вроде бы не ожидал упорного сопротивления; а уж упоминание о «Последнем дарханце» его и вовсе обескуражило. Что-то у них не сошлось, и охранитель мира одержал верх не только из-за собственного упрямства — помог

некий сбой в системе отлова Лоцманов и отстранения их от съемок.

Его спас «Последний дарханец»; тут есть закавыка, которую в Кинолетном городе не учли. А Ингмар говорил, что проход в иномирье возник неспроста и что такого прежде не бывало. Выходит, Богиня продала своего Лоцмана Ителю — мы еще разберемся, что это за фрукт такой — и в то же время хотела, чтобы Лоцман укрылся в мире Последнего Дарханца. А два взаимоисключающих желания Кинолетный город выполнить не в силах. В результате охранитель мира оказался на ступенях АУКЦИОНА с искалеченной ногой и палкой от швабры вместо костыля.

Продать Лоцмана за пять тысяч долларов! Смехотворная цена. Да чтоб я стал помирать за такие деньги? Была охота.

Опираясь на скользкую палку, он поднялся и заковылял по асфальтированной, обсаженной кустами дорожке — прямо, как велел охранник. По сторонам за живой изгородью блестели чисто вымытыми стеклами разноцветные одноэтажные дома, чуть дальше раздували рифленые бока ангары. Впереди наблюдалось движение: дорожку пересекали люди, изредка проезжали машины. Большак, сказал охранник. Большая дорога.

— Ты что, еще не побывал у коменданта? — неожиданно раздался голос за спиной.

Глава 5

Лоцман остановился.

— Побывал. — Он неловко обернулся.

Перед ним стоял полуголый человек с огромным кровоподтеком на плече. Юношеская фигура, правильное лицо, темные волосы, темные глаза, нечто романтическое в облике — вертолетчик. Тот самый, что вопреки запрету заговорил с Лоцманом и схлопотал от солдата прикладом. Удивительно, почему у него гипс не наложен — ключица-то, поди, раздроблена. Однако синяк казался старым — бледнеющий, изжелта-коричневый — и ни следа опухоли.

— Как же у тебя плечо?...

— Здешнее солнце исцеляет, — объяснил летчик. — А вот как ты был у коменданта, коли хромаешь?

— А лечить не стали. И стимулятор дать пожадничали. — Лоцман вымученно улыбнулся. — Бумагу ихнюю не подписал, вот и...

Пилот вытаращил глаза.

— Не подписал?! — ахнул он. — Ну, даешь! Не подписал! Да что ж ты с ногой маешься? Про солнце не объяснили? А ну пошли.

Он без церемоний ухватил Лоцмана за пояс и вломился в живую изгородь. За ней оказалась полоса газона и пешеходная дорожка, за которой

стояла еще одна изгородь, а дальше виднелись веселые коттеджи: зеленые, голубые, кирпичные, лимонные, красные.

Вертолетчик отпустил Лоцмана, тот повалился на траву.

— Давай ногу, поглядим... Это надо же — не подписал! — твердил пилот восхищенно, пока Лоцман возился со штанами; затем увидел раздутое лиловое колено, вывернутую голень и помрачнел. — Да это вывих; тут солнце не спасет. Ладно, сами сделаем. Можешь орать, только в морду не бей. — Он взялся за ногу выше и ниже колена. — Отвернись.

Охранитель мира отвернул голову и стиснул зубы. Сжались железные тиски, колено разорвала свирепая боль. Лоцман дернулся, впился пальцами в землю, но смолчал. Ноге полегчало.

— Все, — выдохнул летчик, выпрямляясь. — Молодец.

У Лоцмана по щекам текли слезы; он вытер их рукавом и пристыженно глянул на пилота. Летчик устраивался на траве, подставляя солнечным лучам заживающее плечо.

— Погреешь кости — оно и наладится, — заверил он жизнерадостно. — А что стимулятор не дали, не горюй. Его только тем дают, кто идет в армию. Сволочам, иными словами. Ты чей Лоцман? — спросил летчик без перехода.

— Пленников Поющего Замка. А ты?...

— Пилот Шестнадцатого вертолета.

— Разве имени нет?

Вопрос позабавил летчика своей нелепостью.

Он усмехнулся и добродушно пояснил:

— Имена у актеров, а мы — техническая служба. Нам не положено.

— Это неправильно, — заявил Лоцман.

— В наших мирах полно неправильностей, — философски заметил Шестнадцатый. — Ты бы лег — нога скорей выправится.

Лоцман растянулся на траве.

— Сколько их, этих миров?

— Прорва, — ответил летчик. — Здесь у нас — двести с мелочью, в других местах есть еще.

— Какие они? — лениво поинтересовался Лоцман, которого потянуло в сон. Теплое солнце оглаживало измученное тело, убаюкивало боль; глаза сами собой закрывались, и хотелось уткнуться лицом в мягкую траву и вздремнуть.

— Ну, какие... Много похожих, а есть совсем особенные. В одних скука смертная, другие повеселей. Множество крошечных, убогих, но попадаются прямо-таки роскошные — век бы там жил. Обширные, полнокровные; в какой угол ни загляни, все на месте, все надежно. Затем, полно умирающих.

— Как это? — встрепенулся Лоцман.

— Обыкновенно. Обитатели сходят на нет, а сам мир сжимается, схлопывается.

— Отчего же он умирает?

Вертолетчик нахмурился и не сразу ответил:

— Бог или Богиня отвергают свой мир. Забывают. Он делается не нужен — и оттого погибает.

— А в скольких мирах ты бывал?

Шестнадцатый принялся считать, загибая пальцы. Двух рук не хватило, пальцы пришлось разгибать.

— В тридцати семи. К слову, в восемнадцати из них Лоцманов уже отловили.

— Продали?

— Именно, — буркнул летчик сердито. — Нынче только тем и занимаются. И этих молодцов с автоматами расплодилось. Раньше никогда столько не было; и место свое знали. А теперь чуть что — кулаком в морду тычут или прикладом охаживают. Скоро на улицах палить начнут.

— Отчего все это?

— Я ж говорю: идет охота на Лоцманов. Кино теперь снимают без них. Правда, паршивое кино получается — с души воротит. Бедные актеры.

Несмотря на живительное солнце, у Лоцмана по спине пробежал холодок.

— А как попадают из мира в мир?

— На вертолете — летят через солнце.

— Скажи... — Лоцман замялся. Шестнадцатый ему ничем не обязан, кроме стычки с солдатами, и просить было неловко. — Ты мог бы отвезти меня обратно, в Поющий Замок?

Летчик клацнул зубами.

— Проданный Лоцман не возвращается.

— Но я не подписал ОБЯЗАТЕЛЬСТВО.

— Это ничего не значит.

— Нет, значит — иначе не заставляли бы. Это важно.

— Проданному Лоцману там нечего делать! — отрезал пилот с внезапной злостью.

Видимо, была задета какая-то болезненная струна.

— Раз я не подписал, могу бороться.

— С кем бороться? С актерами?

— С кино, с Богиней, с Ителем.

— Чушь. — Летчик поднялся с земли, давая понять, что тема закрыта. — Как нога?

— Полегче.

— Вот и грей дальше. До встречи. — Шестнадцатый перемахнул через изгородь и зашагал прочь. Над линией подстриженных кустов несколько секунд виднелись его развернутые плечи и темный затылок, затем летчик пропал из виду.

Из кустов за пешеходной дорожкой высунулась нечесаная голова, и давешняя замурзанная девица, упираясь локтями, выползла к охранителю мира, растянулась на животе, заболтала

в воздухе грязными пятками.

— Привет, Лоцман Поющего Замка.

— Привет, Леди Звездного Дождя.

Она кисло поморщилась, однако поправиться и назвать ее Лоцманом у него не повернулся язык: ведь деваха подписала свое ОБЯЗАТЕЛЬСТВО. Он глянул на сложенные рядом штаны — не придется ли ради дамы — и не стал. Эдакая замарашка переживет небрежность туалета; к тому же, на Лоцмане вполне пристойные плавки.

Перехватив его взгляд, девица ухмыльнулась. Зубы оказались с толстым слоем желтого налета. Вдобавок от нее несло чем-то, что Лоцман поначалу не опознал, и только уловив разлитое кругом знание, сумел расшифровать запах: вонь грязного белья и давно не мытого тела. Он отодвинулся, притворившись, будто удобнее пристраивает больную ногу.

Девица поелозила животом по траве.

— Еще чуток погреешься — и двинем. Я тебе все покажу и с нашими познакомлю. Нам все можно, везде пускают. И разговаривают, как с людьми. С непроданным Лоцманом лясы точить нельзя, а с проданным — сколько угодно. И кино общается, и летчики, и даже солдаты. Со мной сегодня один говорил. Наподдал по заднице и рывкнул: «Пошла вон, дуреха!»

— «Пошла вон» и по заднице — это

человеческий разговор?

— Уж лучше так. Небось, самому не по нраву, когда ты с вопросами, а в ответ ни шиша. А теперь отвечают уважительно.

Лоцман помолчал. Если девахе нравится думать, будто с ней обходятся почтительно, — пусть ее.

— Ты давно здесь? — осведомился он.

— Дней десять, считай. Ничего, жить можно. — Бодрясь, она взмахнула руками, точно крыльями, не удержала равновесия и клюнула носом землю. — Но вот коль накатит — хоть криком кричи. Просишь, просишь ОБЯЗАТЕЛЬСТВО, им надоест, плюнут и отдадут. Порвешь, клочки побросаешь — вроде сердце отпустит. А назавтра оно снова в сейфе лежит целехонькое. Как прижмет, опять выклянчишь, разорвешь. Я каждый день хожу. — Девица перевернулась на спину, закинула руки за голову, кося на Лоцмана сухо блестящими глазами. — Хорошо, что ты появился. Наши-то уже квелые все, снулые, на людей не похожи. Словом перемолвиться не с кем. Новеньких давно не привозили. А кого привезли, те в армию подались, за стимулятором. А нам стимулятора не дают; хоть на коленях моли, хоть как — не выпросишь. Раз продали, значит, помирай, — вздохнула она сокрушенно. — Ты только вот что: творить не

вздумай. У проданных мало у кого выходит, да все равно... Ежели чего сотворишь — тут тебе и каюк.

— Неужели? — перебил он с недоверчивой усмешкой.

— Верно говорю! Делай, что хочешь, но лоцманить не смей. Отдашь последние силы — и на месте помрешь. А так тебя еще надолго хватит.

— То есть советуешь растянуть удовольствие. Понял. А как там твои, в Звездном Дожде?

Чумазое лицо сморщилось и задрожало, девица перекатилась на бок, спиной к Лоцману.

— Как, как! Разве кто скажет? Кино туда что ни день мотается, с утра до ночи пропадает. Пилот, пацан несчастный, вчера из кабины вылезает, я подбегаю спросить, как чего, — а он трясется весь, и глаза мокрые. Влепил оплеуху и ушел, ни словечка в ответ. Дура она, дура проклятая, Богиня эта! Зачем меня продала?! — Деваха подскочила, уселась в траве, негодуяще фыркнула: — Шесть тыщ долларов, эка невидаль! — Она внезапно остыла и с любопытством подалась к Лоцману: — А тебя почему продали?

— За пять.

— Совсем задарма. — Она поскребла грязным ногтем пятно на подоле. — Пошли со мной, а? Я платье другое надену, в доме приберусь. Простыни поменяю — у меня есть какие почище, летчики подарили... — В глазах блеснули слезы. Девица

заморгала, и слезы сползли по щекам. — Ну и пусть шлюха, что с того? Я и не спала почти ни с кем, только поначалу, с вертолетчиками. С ними хоть не противно. А с нашими — ни одного к себе не подпустила. Не люди уже, падаль ходячая... И ты таким будешь! — она вскочила на ноги, стиснула ободренные кулачки. — Подумаешь, явился чистый, гордый! Я тоже была настоящим Лоцманом, а эта дура меня продала. А ко... комендант грозился... грозил, что отдаст солдатам, если не подпишу, — она зашлась в злом плаче. — И не смей... не смей меня попрекать! — Деваха развернулась и пустилась бежать по газону.

Охранитель мира смотрел ей вслед, кривя губы от брезгливой жалости. Лоцман Звездного Дождя... Чумазая потаскушка, которая гордится «человеческим разговором».

Значит, проданный Лоцман превращается в ходячую падаль? На миг его охватил ужас. Что, если и он — тоже? Но он же не подписал ОБЯЗАТЕЛЬСТВО. Может, не все потеряно? Надо побольше разузнать, пока во что-нибудь не превратился. Он натянул штаны и ботинки, опробовал исцеленную ногу. Побаливает, но держит. Лоцман вышел на пешеходную дорожку, огляделся. Надо разыскать кого-нибудь из летчиков да потолковать без суеты; пилоты — свои парни...

— Стой, куда прешь?! — долетел вдруг

бешеный рык. — Стоя-ать!

И вопль Леди Звездного Дождя:

— Не надо! Это же Лоцман!

— Задавлю жабу!

Взревел двигатель, и взвился пронзительный вопль.

Охранитель мира понесся к большаку. Там на холостом ходу рычала большая машина защитного цвета — БМП, пришло на ум название — заходила в крике чумазая девица, до неба стояла брань разъяренных мужчин. Лоцман вылетел на перекресток. Под колесами БМП что-то шевелилось, торчала голая рука, которая дергалась и словно ощупывала бетонку. Из машины вылезли угрюмые солдаты, сгрудились возле щеголеватого, нервно улыбающегося офицера. Двое вертолетчиков удерживали бешеный, рвущийся из рук клубок, в который превратилась Леди Звездного Дождя, еще два пилота стояли на коленях у машины, заглядывая под низ, и на чем свет стоит крыли армию и нынешние порядки. Слева из-под переднего колеса торчали босые ноги — коричневые и недвижимые, как будто сработанные из дерева.

— Поднимите машину домкратом, — велел Лоцман. — Где домкрат?! — рывкнул он на солдата, который выползал с водительского места.

Солдат полез обратно, а лощеный офицер

обернулся к охранителю мира, оглядел его и с издевательской вежливостью взял под козырек:

— Чем могу служить? — На плечах лежали погоны с причудливым звездным рисунком. Не поймешь, в каком он звании.

Ругавшиеся летчики смолкли, и только чумазая деваха еще трепыхалась и всхлипывала.

— Ваш солдат задавил человека. — У Лоцмана сжались кулаки. — Ставь живей, — подхлестнул он водителя, который появился с домкратом в руках, однако не торопился пустить его в дело, а выжидательно поглядывал на командира.

Вертолетчики забрали у солдата инструмент, установили и вдвоем начали поднимать БМП, дружно налегая на рычаг.

— Что за самоуправство, позвольте спросить? — осведомился офицер с холодной улыбкой. — Кто вам позволил распоряжаться? — Он не был похож на камуфляжно-пятнистых, тяжеловесных автоматчиков: на сухощавой фигуре ловко сидел зеленый плащ, на поясе висела кобура тисненой кожи, кремовый шарф оттенял ровный загар не по-военному тонкого, интеллигентного лица. Прозрачные синие глаза, длинная белокурая челка, фуражка с высоким околышем. Глаза недобро сощурились. — Я спрашиваю: кто позволил распоряжаться?

— Я — Лоцман. — С его точки зрения, это объясняло все. Охранитель мира — везде охранитель мира, и калечить людей он не позволит нигде и никому.

— Проданный Лоцман, — поправил военный. — Мертвый Лоцман. И на дороге, к вашему сведению, лез не человек, а падаль. Вам ясна разница? — К щекам внезапно прихлынула кровь. — Убирайтесь, чтоб духу не было! — заорал офицер на приподнявших БМП пилотов.

Человек под колесом не шевелился, пальцы замершей руки походили на вылезших из общего дома и тут же сдохших гусениц. Офицер мотнул головой, приказал солдатам:

— Убрать!

Двое автоматчиков взяли за раздавленные ноги, выше колен плоские, как две чудовищные лепехи, и потащили. Новая боль вывела пострадавшего из шока, он взвизгнул, захлебнулся, смолк. У Лоцмана потемнело в глазах. Ну, я вам устрою! Тело пронизала дрожь, он напряжился, задохнулся, не успев набрать в легкие достаточно воздуха — и ощутил в руке округлый, увесистый металлический предмет.

— Я снесу город — следа не останется, — объявил он с ледяной ненавистью.

Стоит швырнуть сотворенный шар — и он вспыхнет белым пламенем, в мгновение ока слизнет

и людей, и дома, и вертолеты; очистит мир от города, в котором Лоцманов принуждают подписать ОБЯЗАТЕЛЬСТВО и давят машинами.

Все замерло — даже рычащий двигатель заглох. Офицер дернулся было, желая подойти, но точно прирос к месту. Двое солдат скрючились над вытасненным из-под колес человеком, Леди Звездного Дождя повисла у летчиков на руках, как мертвая кукла.

— Ты это, парень... остынь, — негромко вымолвил пилот из тех, кто поднимал домкратом БМП.

— Не бросай, — глядя испуганными глазами, прошептала деваха. — Миленький, не бросай. Тут же люди.

Один из летчиков отпустил ее и медленно, плавно шагнул к охранителю мира.

— Не дури. — Лицо побледнело, но голос звучал добродушно, успокаивающе. — Лоцманов продают не здесь — это делается не в наших мирах.

Лоцман вывинтил взрыватель, сунул его в карман, а неприятно холодящий кожу шар в сердцах отбросил офицеру под ноги. Военный отскочил, бомба звонким мячиком запрыгала по бетонке и укатилась в кювет.

Солдаты шумно засопели, зашевелились. Пилоты, все четверо, придвинулись к Лоцману, Леди Звездного Дождя осталась стоять одна.

Откуда-то появились еще автоматчики — молчаливые, угрюмые — обступили всех плотным кольцом. Лоцман мог бы поклясться, что они не подошли по дороге, а в прямом смысле слова зародились из воздуха, и вместе с ними зародился крепкий дух кожаных ремней.

Все смотрели на него. Вертолетчики с суровыми лицами — хлебнувшие лиха юные романтики; чумазая деваха со вздрагивающей нижней губой — проданная, сломленная охранительница мира; синеглазый офицер, выпрямившийся с аристократической надменностью — так не похожий на автоматчиков, несомненный персонаж из иного фильма; подошедшие солдаты — все на одно лицо, с автоматами на груди. Два десятка человек глядели на Лоцмана и чего-то ждали.

Его осенило. Девица предупреждала, чтобы не вздумал творить, — а он сотворил бомбу.

— Думаете, сдохну? Не дождетесь! — заявил охранитель мира.

Однако в ногах появилась слабость, свет в глазах начал меркнуть. Расплата? Он тряхнул головой, глубоко вдохнул, сжал кулаки. Я же не подписал — и не должен умереть. Я пошел против коменданта, против Богини, против законов этих миров — и я найду силы выжить.

Из бесконечности, из неведомого затуманья к

нему протянулась незримая нить, прильнула к щеке, скользнула по шее, по груди, улеглась на плечах. Оборвалась. Свободный конец подтянулся, обвил колени. Нить мгновение продержала охранителя мира в плену и исчезла, подарив ему крупицу жизни. Богиня сторговалась с Ителем, уступила Лоцмана за пять тысяч долларов — однако еще не забыла его, подпитала энергией памяти.

Он провел ладонью по лицу, оглянулся кругом. Вертолетчики смотрели недоверчиво, солдаты — равнодушно. Леди Звездного Дождя, распахнув глаза, тянула шею и даже поднялась на цыпочки.

— Ох, — пискнула она. — Живой остался!

Офицер смахнул испарину со лба, поправил фуражку.

— Я вас арестую. — На раскрытой ладони внезапно очутились наручники.

Охранитель мира уставился на скрепленные цепочкой блестящие кольца. Вот почему офицер так не похож на солдат.

— Вы — бывший Лоцман; я не ошибся? Хорош ли в армии стимулятор?

Офицер вздернул подбородок.

— Без стимулятора Лоцманы превращаются в падаль. — В голосе скрипнула злость. — Руки! — гаркнул он, сжимая наручники. — Три шага

назад! — это относилось к вертолетчикам.

Пилоты не шелохнулись.

— Отставить! — хлестнула новая команда. Солдаты расступились, и в их молчаливое кольцо вошел комендант. Он слегка запыхался, изжеванное лицо порозовело. — Что происходит? Доложите.

Тщательно подбирая слова, офицер принялся докладывать о происшествии. Лоцман глядел на распластанного на земле человека. Тот был мертв. Опасливо, бочком, приблизилась Леди Звездного Дождя; кисло пахло немывтым телом.

— Он сам сунулся под машину; хотел, чтоб задавили. Надоело быть падалью. Проданный Лоцман — не жилец, как ни крути. Разве вот в армию податься, стимулятор зарабатывать. — Деваха злобно глянула на офицера, обернулась к Лоцману и улыбнулась. — А здорово у тебя с бомбой вышло! Как у непроданного.

— Жаль, бросить пожадничал. — Он отвернулся, борясь с желанием опуститься на бетонку, скрючиться и уткнуться лицом в колени. Все силы ушли на то, чтобы выжить.

— Понял, спасибо, — громко сказал комендант, одарил Лоцмана долгим неприязненным взглядом. — Беспорядков в городе я не допущу. Проводите на третью площадку, — велел он офицеру. — Возьмете двоих людей. При попытке к бегству откроете огонь на поражение. — Комендант

повернулся к солдатам из БМП. — Бомбу ликвидировать. Убрать труп — и следовать по прежнему маршруту. Остальным разойтись!

Один из летчиков хлопнул Лоцмана по плечу, и пилоты ушли, затем рассосалось кольцо автоматчиков. Солдаты будто таяли в воздухе, унося с собой запах кожаных ремней. Наконец побрела прочь чумазая деваха, то и дело оглядываясь через плечо.

— Слушай мою команду: пошел, — офицер указал на дорожку, по которой Лоцман несколько минут назад выбежал на большак. — Зараза, столько хлопот из-за тебя! Вперед шагом марш. — Похоже, в армии он без году неделя — смесь военных команд и гражданских восклицаний выдает парня с головой.

Охранитель мира двинулся по дорожке. Офицер держался на полшага сзади, следом топали двое солдат. Что за третья площадка? Не в карцер ли ведут? Что делать — попытаться дать деру? Он прикинул свои возможности. Проданный, чуть живой Лоцман против накачанного стимуляторами, не утратившего способность творить и изменять мир офицера и автоматчиков, которые получили приказ открывать огонь на поражение, — шансы скудноваты. Ладно, решил он, сперва взглянем на эту самую третью площадку, а там определимся.

Они прошли мимо знакомой двери с надписью

АУКЦИОН, миновали несколько разноцветных коттеджей, пару ангаров и оказались на краю вертолетной площадки. Лоцман повеселел: серые машины с бело-зелеными полосами радовали взгляд, точно лица друзей. Где вертолеты — там и летчики, и возможность попасть домой, в Поющий Замок. К тому же местное целительное солнце дарило тепло, а с ним — новые силы.

— Стой, — приказал офицер.

Охранитель мира остановился, оглянулся через плечо. И всем корпусом развернулся назад. Их нагонял знакомый пилот, который доставил пленника в Кинолетный город — взъерошенный, вне себя от изумления.

— Ну, ты даешь! — закричал он издали. — Проданный Лоцман мельчайшую фитюльку сотворит — и тут же гибнет. А ты бомбу сварганил и жив остался! Чудеса.

Офицер открыл рот, намереваясь выкрикнуть: «Молчать!» — и захлопнул его, ничего не сказав. Прозрачные синие глаза под светлой челкой перебежали с пилота на Лоцмана. Взгляд сделался растерянным, смятенным; охранитель мира ясно ощутил моральное превосходство — свое и вертолетчика. Пилот прошел между солдатами, словно меж двух столбов, миновал офицера, который отодвинулся, уступив дорогу.

— Шагай, — летчик махнул рукой в сторону

вертолетов. — Домой полетишь. Да особо не радуйся, не с чего. Ишь, расцвел! Дома-то взвоешь, жизнь станет не мила.

— Почему?

— Сам увидишь, — пилот устремился через площадку к своей машине.

Лоцман направился следом. Не слыша солдатского топота за спиной, оглянулся. Армия осталась на месте, за краем асфальтового покрытия. Автоматчики глазели по сторонам, не интересуясь бывшим подконвойным, но офицер не спускал с него глаз. От ненависти во взгляде отступника у Лоцмана заохлодели лоб и затылок. Видать, очень дорого было то, что предал бывший охранитель мира, коли он так ненавидит не пожелавшего предать.

Пилот поджидал у вертолета.

— Тебя куда — сразу в Замок? — спросил он, сдвигая вбок дверь салона.

Лоцман обрадованно закивал, но спохватился:

— Сначала — откуда меня забрали: там мотоцикл пропадает.

— Как скажешь. Залазь, чудо чудное, — пилот хлопнул его по спине. — Ты — первый, кого после продажи везут домой.

Зарокотал двигатель, тронулись с места лопасти несущего винта. Лоцман устроился в кресле, пристегнул ремни. Пожалуй, я не прощаюсь

с тобой, Кинолетный город. Мы еще встретимся.

...Вертолет вынырнул из солнца, со стекол убрались щитки. Лоцман нетерпеливо привстал, разглядывая мир снаружи. Да, похоже на мир Поющего Замка: зеленая всхолмленная степь, кольцо синих гор. Лишь самого Замка не видно. Неужто исчез? Что тут стряслось за время, когда охранитель мира обретался на чужбине? Он прошел в кабину, тряхнул за плечо глядевшего вперед пилота. Тот подпрыгнул, вертолет клюнул носом.

— А, чтоб тебе! — парень выправил машину. — Чего вскочил?

— Где мой Замок?! — крикнул Лоцман, перекрывая рокот двигателя. — Ты куда завез, змееныш?!

Летчик заорал в ответ:

— Замок слева по курсу. Не видишь?

Лоцман вгляделся. От напряжения заболели глаза.

— Не вижу. Пустая степь. Разыгрываешь? — спросил он с надеждой.

— Вон там, — пилот ткнул пальцем в стекло.

Охранитель мира помотал головой и, расстроенный, вернулся в салон. Наверное, Поющий Замок на месте, но его стены и башни теряются в зеленоватой дымке, сливаясь со степью. Неужели проданный Лоцман первым делом теряет зрение?

Хотелось бы знать, где Богини продают своих Лоцманов. За пределами наших миров, утверждают пилоты. Ну, Итель, берегись, уж я тебя разыщу. Узнаешь, как скупать Лоцманов по дешевке.

С другой стороны, что значит — купить Лоцмана? Продать — понятно: Богиня избавилась от не нужного ей охранителя мира и получила деньги. А таинственный Итель? Он ничего не обрел взамен: Лоцманы умирают либо становятся офицерами, но реальной выгоды Ителю от этого нет. По крайней мере, отсюда ее не видно.

Вертолет приземлился возле скальной стены. Вот и «дракон» под обломком лежит — намяло бока бедолаге. А туннель в другой мир, смотрите-ка! После устроенного Лоцманом землетрясения он опустился почти к самой земле и вырос в размерах — хоть в полный рост шагай, только голову нагнуть. В ближайшее время надо будет его исследовать.

Вдвоем с пилотом они отвалили каменный обломок и освободили мотоцикл. У него оказался изрядно помят бензобак и поцарапано кожаное седло, но в остальном «дракон» не пострадал.

Летчик осмотрел приборный щиток.

— Компаса нет?

— Не завел.

— А Замка не видишь?

— Увы.

— Тогда держи прямо на солнце. Проедешь километров семьдесят, и чуть левее будет Замок. Бензина хватит?

Лоцман завел двигатель, глянул на бензомер.

— Дотяну. — Он поднял с земли и обтер от пыли шлем. — До встречи.

Летчик сунул руки в карманы, смущенно потоптался.

— Не знаю, свидимся ли. Ну, в общем... счастливо тебе. — Он полез в кабину.

«Проданный Лоцман — не жилец», — вспомнились слова чумазой девахи. Надо поспешать — ну как начну превращаться в ходячую падаль? Садясь в седло, он усмехнулся. Время у нас еще есть: не подписавший ОБЯЗАТЕЛЬСТВО Лоцман продан только наполовину.

Он гнал мотоцикл по степи курсом на солнце. Встречный ветер норовил скинуть с седла, привычно неслась под колеса ярко-зеленая степь, «дракон» шутя одолевал подъемы на углаженные, покладистые холмы. Все превосходно — вот только Поющий Замок отчего-то не появляется, словно и нет в этом мире шестигранной пирамиды, которую всегда видать издалека.

Крепко ухватив рукояти руля, Лоцман окидывал тревожным взглядом горизонт, притормаживал на возвышенностях — тщетно. А ну как вовсе не сыщет? Будет дни напролет

кружить по степи, безответно звать друзей, а к ним тем временем будет прилетать кино, вести съемки без Лоцмана...

«Ингмар! — позвал он. — Рафаэль! Хозяйка!»
Безмолвие.

Пилот сулил, что Замок покажется километров через семьдесят, — а по счетчику уже шестьдесят пять. Шестьдесят шесть; шестьдесят семь... Лоцман до рези в глазах всматривался в висящую над степью зеленоватую дымку. Шестьдесят восемь. Он сбросил скорость. Может, летчик ошибся и надо проехать не семьдесят, а восемьдесят километров? Пустое — Замок виден со всех концов мира. Точнее, был виден прежде. Шестьдесят девять. «Дракон» фыркал и тащился еле-еле. А если Замка здесь нет? Исчез, испарился, провалился под землю? Вздор: пилот его видел. Обожгла ужасная догадка — парень соврал. Пожалел проданного Лоцмана, думал оставить надежду... Нет, не может быть. Нельзя, чтобы летчик меня обманул, я не заслужил, я ведь не подписал...

Семьдесят. Он остановился, заглушил двигатель. Ну, где же? ГДЕ МОЙ ЗАМОК? Должен быть здесь; я знаю — летчик сказал правду. Замок тут, я хочу его видеть. Хочу его видеть, слышите? Я обязан найти свой Замок, это мой долг, я же Лоцман.

Жмурясь, до боли стиснув пальцы в кулак, он выгнулся, как в жестокой судороге, всем своим существом повелевая миру явить взору Замок. Поющий Замок, ты здесь!

Лоцман медленно выдохнул, разжал ноющие кулаки. В глазах было темно. Огромный мотоцикл вдруг потерял равновесие и повалился на бок, едва не сбив хозяина с ног. Охранитель мира отскочил и без сил опустился на корточки — он заставил-таки Замок появиться, он увидел его белые зубчатые стены, отливающие перламутровой голубизной башни, флаг над одной из них, золотые буквы на флаге: «ПЛЕННИКИ ПОЮЩЕГО ЗАМКА», а ниже и мельче — *Se non e vero, e ben trovato*. Это по-итальянски, уловил он обрывок разлитого в воздухе знания. Где она, эта Италия? Может статься, Богини продают своих Лоцманов именно там?

Он отдышался, набрался сил. Поставил на колеса мотоцикл, вскочил в седло и помчал к Замку. Всего-то ничего осталось — метров семьсот, не больше.

Однако едва он миновал мост и въехал в распахнутые ворота, окатило новое опасение: а не сотворил ли он Замок сам, лично, данной Лоцману силой? Не выросла ли посреди степи подмена, искусная обманка? Надо поскорей разыскать актеров и убедиться, что все четверо тут и

охранитель мира возвратился в свой прежний, настоящий Замок. А вот и они.

Потрясенный, он сполз с мотоцикла и, забыв о подставке, опустил «дракон» на траву. Неловкими пальцами расстегнул шлем, стащил его с головы, выронил, нагнулся поднять и опять выронил. Великий Змей, что здесь творится?

Глава 6

Замок напевал и посвистывал под дыханием мягкого ветерка. Главная лестница дворца была усыпана ветками печаль-дерева; бело-сиреневые цветы позванивали под ногами шагающих по ступеням людей. Навстречу Лоцману со скорбной торжественностью спускалась маленькая похоронная процессия. Ингмар и Рафаэль, в черных плащах и с обнаженными головами, несли на плечах завернутый в серебряную парчу гроб. За ними следовали Эстелла и Лусия — в черных мантильях, струящих кружево по распущенным волосам и белым платьям, с букетами в руках. Горели на солнце крупные головки цветов — красные, оранжевые, желтые; их обрамляло облако белых цветочков, которые обильно теряли лепестки, словно сеяли мелкий дождь. Процессия сошла со ступеней, повернула и направилась вдоль стены дворца. Медленно, размеренно, четко шагали

мужчины, воплощением глубокой скорби скользили женщины, серебрился на солнце гроб, пылали разноцветьем букеты.

Кого они хоронят?

Актеры завернули за угол. Лоцман двинулся следом. Ослабевшие ноги плохо держали, внутри все сжалось в полупредчувствии-полудогадке, он не мог выдавить ни звука и едва дышал.

Ингмар с Рафаэлем приблизились к рошце возле дворцовой стены — восемь деревьев, усыпанных спелыми персиками. Со стены им на кроны перекидывался дикий виноград, образуя плотный шатер. Мужчины поставили гроб на землю, на приготовленные широкие ремни, склонили головы. Эстелла с Лусией опустили на колени. Все четверо застыли в молчании; букеты в руках у женщин исходили ленивым белым дождем. Лоцман стал поодаль, замороженный.

Кого тут хоронят? Все актеры здесь, охранитель мира тоже; кто же остается? Смутная догадка внезапно обратилась в уверенность. Он в ужасе попятился; и пятился, пока не уткнулся в стену Замка. Выходит, когда продают Лоцмана, умирает Хозяйка? Женщина в черной полумаске, такая прекрасная, что при воспоминании о ней сжимается горло. Он видел ее всего дважды — сперва сжигаемую страстью, едва не погубившую Рафаэля в приступе необъяснимой жестокости; и

затем нежную, ласковую, казнящую себя за съемки. Он почти ощутил прикосновение ее губ, ее сильные объятия; почти услышал рыдающий крик: «Ты — мертвый Лоцман!» Ах, Хозяйка... Это не я мертв, а ты.

— Хозяйка, — прошептал он. — Хозяюшка...

Явилась нежданно-негаданно, поразила его, увлекла — и исчезла. Обольстительная, пылкая, говорившая слова, которых он прежде ни от кого не слышал. И — умерла. Хозяйка, милая, как же так?

В окне третьего этажа мелькнуло зеленое пятно. Лоцман вскинулся, взгляделся. Вот опять — шевельнулась штора, отодвинутая осторожной рукой, и что-то почудилось: то ли вспыхнул и погас зеленый луч, то ли пролетела отливающая изумрудом пушинка.

Лоцман сорвался с места и ринулся ко входу во дворец. Это же она — Хозяйка!

Он сломя голову взлетел по лестнице, помчался по анфиладам комнат, с треском распахивая тяжелые резные двери.

— Хозяйка! — звал он. — Хозяюшка!

Не откликнулась. Только пару раз где-то хлопнули двери — похоже, красавица стремглав убегала. Лоцман бросил погоню: Хозяйке ничего не стоит выскочить на террасу или балкон, ускользнуть по одной из бесчисленных лестниц или скрыться в центральной, нежилой части дворца.